

НѢСКОЛЬКО ЗАМѢТОКЪ
О ВОЗОБНОВЛЕННОМЪ
КОСТРОМСКОМЪ
БОГОЯВЛЕНСКО-АНАСТАСІИНОМЪ
МОНАСТЫРѢ

ПЕРЕПЕЧАТАНО СЪ ИЗДАНІЯ:

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Ѳ. Г. Елеонскаго и К^о. Невскій просп. № 140

1879.

Отъ С.-Петербургскаго Комитета Духовной Цензуры печать дозволяется.
С.-Петербург, Марта 25-го дня 1879 года.

Архимандритъ Іосифъ (Баженовъ), инспекторъ
С.-Петербургской Семинаріи,
съ 25 марта 1862 г. настоятель Игрицкаго Монастыря
и Ректоръ Костромской Семинаріи,
съ 1866 г. Епископъ, викарій Подольской Епархіи

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Настоящія замѣтки, имѣющія цѣлію изложить полную исторію Костромскаго Богоявленскаго Монастыря, располагаются не въ хронологическомъ порядкѣ; наше повѣствованіе начнется не съ начала, а съ конца. Такой порядокъ изложенія показался вполне приличнымъ избранному предмету и болѣе удобнымъ для самаго составителя замѣтокъ.

Извѣстно, что Богоявленскій мужескій Монастырь, просуществовавшій въ городѣ Костромѣ около четырехъ столѣтій съ 1426 г., былъ упраздненъ въ 1847 году. Если бы мѣстность и зданія сего Монастыря не были переданы въ собственность Костромскому Анастасіину дѣвичьему Монастырю; то память о существованіи Богоявленскаго Монастыря давно бы исчезла, или всецѣло перешла бы въ область архивныхъ записей. Но, по милости Божіей, многовѣковая обитель, пробывъ около шестнадцати лѣтъ въ запустѣніи и чрезъ то возбудивъ общее къ себѣ сочувствіе, въ послѣдніе шестнадцать лѣтъ возстала и обновилась въ ряду Костромскихъ святынь; самымъ своимъ видомъ и внутреннею деятельностью новыхъ своихъ насельницъ, эта обновленная обитель, именуемая «Богоявленско-Анастасіиною», живѣе всякихъ хартій говоритъ о духовно-нравственной своей жизни за все время своего существованія — настоящее и прошедшее. Новое, прибавленное къ прежнему названію «Анастасіина» (что значитъ съ Греческаго языка **воскресеніе**) весьма характеризуетъ ея участь; оно свидѣтельствуетъ, что это обитель воскресшая и собственными устами возвѣщающая всякому изслѣдователю ея жизни: пріиди и виждь!

Съ другой стороны, по поводу возстановленія Богоявленскаго Монастыря, достаточно выяснилось его историческое значеніе, случайно подвергшееся сомнѣнію,—достаточно открылись помышленія сердець о необходимости и важности подвига возстановленія его. Ограждаясь такими сужденіями, высказанными неоднократно на словахъ и въ печати, и ссылаясь при этомъ на непосредственность и общеизвестность всѣхъ фактовъ самаго возстановленія, начавшагося въ сферѣ Правительственной переписки съ 2-го числа іюля 1863 года по докладу Игуменіи

Крестовоздвиженскаго Анастасіина Монастыря Маріи, а на самомъ дѣлѣ 12 числа мая 1864 года, когда послѣдовала закладка пристроекъ къ соборному храму Богоявленскому,— мы—при всемъ личномъ сочувствіи къ дѣлу возобновленія многовѣковой обители — не опасаемся впасть въ пристрастіе и даже позволяемъ себѣ думать, что наше повѣствованіе явится выраженіемъ не одинокаго писателя, навязывающаго другимъ собственныя свои мнѣнія, но совпадетъ съ лучшими думами и чувствами всѣхъ участниковъ и очевидцевъ означеннаго событія (Дѣян. XXVI, 26).

Первое заявленіе о возстановленіи Монастыря.

Граждане Костромскіе, по движенію религіозной настроенности, и оправившись съ своими домашними лишеніями, рѣшились предохранить отъ разрушенія памятникъ общенародной своей святыни, служившей молитвеннымъ прибѣжищемъ для нихъ и для ихъ предковъ въ теченіе четырехъ столѣтій. Письменное заявленіе объ этомъ было подано ими, за подписомъ градскаго головы (А. Рыльцова), 8-го числа Августа 1850 года Великимъ Князьямъ: Николаю и Михаилу Николаевичамъ, во время прибытія Ихъ въ городъ Кострому. Въ этой, запискѣ съ явнымъ чувствомъ огорченія говорилось: «Стихійное бедствіе, опустошившее въ 1847 году лучшую часть нашего города, лишивъ большинство жителей частной собственности, лишило вмѣстѣ съ тѣмъ и дорогой для всѣхъ гражданъ святыни— святой обители Богоявленской. Щедроты Августѣйшаго Монарха заживляютъ раны жителей, произведенныя потерей частной собственности. Остается одна тяжкая, общая жителямъ рана— запустѣніе Богоявленскаго Монастыря, составлявшаго лучшее украшеніе города по своей многовѣковой древности и утѣшеніе жителей по благолѣпію и чину церковному. Такое печальное запустѣніе св. обители глубоко трогаетъ душу патріота-гражданина; и это скорбное чувство проявляется не въ одномъ, не въ нѣсколькихъ только жителяхъ, а обще всѣмъ обитателямъ города Костромы. Всѣ мы, готовые принести отъ себя посильную лепту на возобновленіе закрытой обители, всеподданнѣйше просимъ Васъ,

благовѣрные Князья! передать такую скорбь нашу Августѣйшему Родителю Вашему, Государю Императору (Николаю Павловичу). Высочайшее повелѣніе о возобновленіи Богоявленской обители утѣшить общую печаль нашу и съ тѣмъ вмѣстѣ послужить драгоценнымъ памятникомъ настоящаго Вашего посѣщенія города Костромы.»

Заявленіе Костромскихъ гражданъ, благосклонно принятое Ихъ Высочествами, было представлено Государю Императору, Николаю Павловичу; Святѣйшій Синодъ, по высочайшей волѣ, указомъ отъ 12 числа Октября 1850 года поручилъ Костромскому Епископу Леониду войти въ обсужденіе «благочестиваго» желанія Костромскихъ гражданъ. Но такъ какъ ни Святѣйшій Синодъ, ни Епархіальное Начальство не находило особенныхъ средствъ для устроенія Семинаріи, помимо мѣстности упраздненнаго Монастыря Богоявленскаго; то въ запросѣ, послѣдовавшемъ 31 Декабря отъ Преосвященнаго Леонида въ Костромскую градскую Думу, съ первыхъ строкъ замѣтно явное усиліе убѣдить гражданъ въ неудобноисполнимости ихъ желанія. Уважительными причинами, которыя послужили къ закрытію Монастыря, здѣсь выставлены: въ первыхъ— «бѣдность Богоявленскаго Монастыря», во вторыхъ — «необходимость улучшить бытъ Ипатьевскаго Монастыря», который не имѣетъ при себѣ никакихъ угодьевъ, а съ полученіемъ принадлежавшихъ Богоявленскому Монастырю оброчныхъ статей (мѣльницы, сѣнныхъ покосовъ и рыболовнаго озера) можетъ въ нѣкоторой мѣрѣ поправить бѣдственное въ экономическомъ отношеніи состояніе Ипатьевскаго Монастыря; въ третьихъ—«необходимость устроить помѣщеніе для Костромской Духовной Семинаріи», такъ какъ по разрушеніи ея прежнихъ зданій Духовное Начальство не имѣетъ готовыхъ помѣщеній для нея и даже не находитъ другаго мѣста, кромѣ Богоявленскаго Монастыря, который признанъ для сего удобнымъ и выгоднымъ по своему положенію среди города. Между тѣмъ для возобновленія Монастыря со всѣми его зданіями нужно отвергнуть выше указанныя уваженія и отыскать огромныя суммы для непроизводительной затраты; отъ Правительства же невозможно требовать такихъ суммъ, а общество Костромское не объявило, можетъ ли оно

представить довольно достаточныя средства для осуществленія его предположеній, выраженныхъ въ докладной запискѣ, поданной Ихъ Императорскимъ Высочествомъ?

На такой запросъ Костромская Дума, въ общемъ составѣ своихъ членовъ, отъ 22 числа мая 1851 года составила и препроводила Его Преосвященству слѣдующій ответъ: «На возобновленіе Богоявленскаго Монастыря мы обѣщаемъ пожертвовать шесть тысячъ рублей и кромѣ того желаемъ испросить Высочайшее разрешеніе на сборъ добровольныхъ пожертвованій по всей Россіи; такъ какъ мысль, увлекающая Костромитянъ къ возсозданію Богоявленскаго Монастыря, кромѣ древности его, была и есть мысль сохранить въ памяти позднѣйшаго потомства радостное посѣщеніе города Костромы Августѣйшими дѣтьми великаго Государя нашего».

Замѣчательно, что еще до полученія отвѣта отъ Костромскихъ гражданъ, послѣдовалъ изъ Святѣйшаго Синода отъ 7 числа мая указъ о томъ, что Государю Императору благоугодно было выразить желаніе, чтобы въ Костромскомъ Монастырѣ, уступленномъ для построенія Духовной Семинаріи, былъ сохраненъ одинъ храмъ Богоявленія Господня, какъ «памятникъ древности».

Въ обширномъ донесеніи, посланномъ 30 марта 1852 г. Святѣйшему Синоду, вслѣдствіе указовъ онаго отъ 12 числа октября 1850 года и отъ 7 числа мая 1851 года, Преосвященный Леонидъ не безъ увлеченія отстаивалъ прежде выставленныя имъ причины, «бывшія въ разсмотрѣніи Святѣйшаго Синода, съ передачею его зданій въ Духовно-учебное вѣдомство. Въ дополненіе къ сему Преосвященный присовокупилъ, что сумма—шесть тысячъ рублей, обѣщанная гражданами Костромскими на возобновленіе всего Монастыря, представляется совершенно недостаточною, такъ какъ на возстановленіе одного храма Богоявленія по составленной нынѣ смѣтѣ требуется болѣе двѣнадцати тысячъ рублей. Открывать же подписку по всей Россіи для возобновленія Богоявленскаго Монастыря не представляется уважительныхъ основаній; такъ какъ въ Костромской епархіи имѣется уже двѣнадцать мужскихъ Монастырей и

названный Монастырь «не имѣеть особенныхъ историческихъ достопамятностей». По такимъ соображеніямъ заявленіе Костромскихъ гражданъ о возстановленіи Монастыря Богоявленскаго признано оставить безъ удовлетворенія; на таковое опредѣленіе испрошено было Святѣйшимъ Синодомъ Высочайшее утвержденіе, послѣдовавшее 12 числа Іюля 1852 года.

Столь рѣшительный отказъ со стороны высшаго Начальства прекратилъ всякія попытки къ возстановленію Богоявленскаго Монастыря; **жителямъ города Костромы оставалось только скорбѣть** о начавшейся затѣмъ разломкѣ монастырскихъ зданій, для очистки свободнаго мѣста, гдѣ предполагалось возведеніе новаго корпуса для Духовной Семинаріи. **Семинарское начальство дѣйствительно приступило съ энергіею, достойною лучшаго приложенія, къ разломкѣ монастырскихъ зданій; и вскорѣ** началась продажа кирпича монастырскаго для частныхъ зданій, а мусоръ уступался бесплатно для утрамбованія городскихъ улицъ. Съ грустію смотрѣли Костромитяне на это истребленіе и въ буквальномъ смыслѣ попраіе многовѣковой обители; но когда приступлено было къ разломкѣ Срѣтенской церкви и галлерей, окружавшихъ Богоявленскій храмъ, то они не могли воздержаться отъ горькихъ сѣтованій. **Это было послѣднее испытаніе Божіе, послѣ котораго началась измена десницы Божіей;** всѣ обстоятельства съ 1862 года стали располагаться такъ, что представилась затѣмъ возможность сохранить полуразрушенный Монастырь отъ окончательнаго уничтоженія, исходатайствовать снова возстановленіе его и наконецъ дѣйствительно возобновить его въ прежнемъ, но несравненно лучшемъ видѣ.

Съ прибытіемъ новаго Архипастыря, Преосвященнѣйшаго Платона, Ипатьевскій Монастырь, состоящій подъ личнымъ управленіемъ Епархіальнаго Архіерея, значительно былъ возобновленъ щедротами покойнаго Государя Николая Павловича и нынѣ царствующаго Императора Александра Николаевича лично, вмѣстѣ съ Государынею Императрицею, посѣтившаго Кострому; такимъ образомъ первая причина, выставившаяся при упраздненіи Богоявленскаго Монастыря, устранилась

сама собою. Другая причина, т. е. устройство Духовной Семинарии, находившейся въ стѣнахъ Богоявленской обители, на этомъ же мѣстѣ,— также значительно стала колебаться; высшее начальство Духовно-учебное не утвердило сдѣланныхъ торговъ на возведение новаго корпуса на мѣстности Богоявленскаго Монастыря. Вслѣдъ за симъ предлагались отъ него Епархіальному Начальству такіе проэекты, изъ коихъ видно было, что оно уже не дорожитъ такъ мѣстностію Богоявленскаго Монастыря, какъ дорожило ею поначалу. Такъ, въ отношеніи исправлявшаго должность оберъ-прокурора Св. Синода С. П. Урусова въ 1860 году поручалось мѣстному Преосвященному озаботиться пріисканіемъ частнаго дома, для помѣщенія Семинарии съ извѣстною уплатою; въ слѣдующемъ—1862 году г. оберъ-прокуроръ Св. Синода А. Н. Ахматовъ спрашивалъ Преосвященнаго, не могутъ ли быть на извѣстныхъ условіяхъ уступлены для Семинарии тѣ соборныя дома, гдѣ она временно помѣстилась съ 1847 года? Подобными проэектами внушалась мысль, что для Семинарии можетъ быть отыскано иное мѣсто, вдали отъ Монастыря, что она вовсе не связана съ Монастыремъ неразрывно и что монастырская мѣстность не представляется такимъ пріобрѣтеніемъ, которымъ бы нельзя было пожертвовать въ виду другаго, болѣе сходнаго и болѣе удобнаго для семинарии помѣщенія. Впослѣдствіи такое помѣщеніе, дѣйствительно, нашлось; такъ что устроенная тамъ нынѣ Семинарія Костромская съ отличной церковію, съ особымъ корпусомъ для общежитія воспитанниковъ, не имѣетъ никакихъ побужденій сожалѣть о мѣстности Богоявленскаго Монастыря. Третья причина, именно «незначительность» Богоявленскаго Монастыря въ житейскомъ и даже въ историческомъ отношеніи — устранялась постепенно и выяснилась на столько, что въ 1863 г. ходила по рукамъ особая рукопись, гдѣ довольно обстоятельно было выставлено историческое значеніе Костромскаго Богоявленскаго Монастыря, подвергшееся сомнѣнію въ офиціальному документѣ Епархіальнаго Начальства. Мы имѣемъ возможность представить здѣсь нѣсколько извлеченій изъ упомянутой рукописи, послужившей выраженіемъ общаго мнѣнія, господствовавшаго тогда между жителями города Костромы. Но

предварительно укажемъ на случайныя нѣкоторыя обстоятельства, давшія особенную рѣшимость или смѣлость выставять давно оставленную возможность возобновленія Богоявленскаго Монастыря.

*Случайныя обстоятельства, служившія подготовленіемъ
къ возобновленію Богоявленскаго Монастыря.*

Въ половинѣ 1862 году, проѣздомъ чрезъ г. Кострому, внимательно осматривалъ печальныя развалины Богоявленскаго Монастыря новый оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода, А. П. Ахматовъ, тяжелое впечатлѣніе вынесъ онъ изъ настоящаго обзора и, безъ сомнѣнія, тогда же сообщилъ объ этомъ Епархіальному Начальству, а впослѣдствіи, когда поступило въ Св. Синодъ самое ходатайство о возстановленіи Монастыря, поддержалъ оно личнымъ своимъ участіемъ. Въ слѣдующемъ же — 1863 году, когда созрѣвшая мысль о возобновленіи Богоявленскаго Монастыря—уже готова была къ осуществленію, городъ Кострома былъ осчастливленъ Высочайшимъ посѣщеніемъ покойнаго Государя Наслѣдника, Николая Александровича. Пишущій эти строки* имѣлъ честь сопровождать Его Императорское Высочество изъ Смоленской церкви по всему двору Богоявленскаго Монастыря до полуразрушеннаго собора. Впечатлѣніе, произведенное видомъ развалинъ древнѣйшей обители на душу Великаго Князя (могу сказать утвердительно) было не въ пользу тѣхъ распоряженій по которымъ эта знаменательная древность приводилась къ разрушенію. Отголоски этого впечатленія тогда же были опубликованы въ Московскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ однимъ изъ лицъ, сопровождавшихъ Цесаревича въ Его путешествіи по Россіи (Москов. Вѣдом. за 1863 г. № 16). Понятно, что эти обстоятельства, хотя и случайныя повидимому, имѣли однакожъ рѣшающее вліяніе на ходъ дѣла о возстановленіи Богоявленскаго Монастыря.

* Епископъ Іосифъ (Баженовъ)

Древность и историческая важность.

Древность Богоявленскаго Монастыря восходитъ къ управленію Святителя Іоны Московскаго. Монастырь основанъ въ первой половинѣ пятнадцатаго вѣка около 1426 года. Развѣ этого мало, чтобы признать его древнимъ? развѣ у насъ много учрежденій, существующихъ болѣе четырехъ столѣтій? Историческое развитіе Россіи оставило, безъ сомнѣнія, самыя явственныя слѣды какъ въ Государственномъ устройствѣ ея, такъ и вообще въ народной жизни; но всѣмъ извѣстно, что вещественныхъ памятниковъ, наглядно свидѣтельствующихъ о связи настоящаго ея состоянія съ прошедшимъ, чрезвычайно мало въ Россіи,—такъ мало, что всѣ эти памятники можно пересчитать на память. Понятно, что чѣмъ бѣднѣе мы памятниками старины, тѣмъ бережнѣе должны обращаться съ ними, тѣмъ усерднѣе должны заботиться о сохраненіи ихъ для будущихъ поколѣній. Неразвитое общество еще можетъ равнодушно смотрѣть на явное пренебреженіе и разрушеніе историческихъ памятниковъ. Но для людей мыслящихъ, умѣющихъ цѣнить памятники родной старины, подобное зрѣлище не выносимо и до послѣдней степени возмутительно.

Для усвоенія Богоявленскому Монастырю историческаго значенія достаточно и тѣхъ воспоминаній, какія онъ имѣетъ за собою. **Монастырь основанъ в 1426 году** при Великомъ Князѣ Василіѣ Василіевичѣ Темномъ. Граматы, данныя въ разное время настоятелямъ, показываютъ, что онъ пользовался покровительствомъ Великихъ Князей и Царей нашихъ, — что онъ заслуживалъ и оправдывалъ такое покровительство. **Въ 1608 году 30 Декабря** иноки Богоявленскаго Монастыря явили достойный памяти потомства примѣръ вѣрности и преданности Престолу и Отечеству. Тогда какъ многія окрестныя селенія, уступая силѣ и увлекаясь обманомъ, покорились злодѣю Тушинскому, Богоявленскіе монахи согласились скорѣе лишиться своего имущества и пожертвовать самую жизнь, нежели измѣнить своему долгу и присягѣ. Имена сихъ

мучениковъ истины, внесенныя современниками въ синодикъ, принадлежать не синодикамъ только, но и народной исторіи. Въ монастырскомъ синодикѣ подъ именемъ «избѣенныхъ» записаны іеромонахи: *Трифиллій, Макарій и Савватій*, - іеродіаконъ *Аиногенъ* и монахи: *Варлаамъ, Діонисій, Іовъ, Кирилль, Максимъ, Іоасафъ и Гурій*. Узнавъ о бѣдствіяхъ, коимъ подвергся преданный и вѣрный Монастырь, Царь Василій Іоанновичъ Шуйскій прислалъ (въ 1609 году) игумену Арсенію утѣшительную грамоту съ извѣстіемъ объ отпускѣ для него хлѣба изъ Нижняго Новгорода. При избраніи на царство Михаила Ѳеодоровича Романова присутствовалъ и подписался подъ избирательною грамотой, въ числѣ другихъ выборныхъ, и настоятель Богоявленскаго Монастыря Арсеній. При отобраніи отъ Монастырей имѣній въ 1764 году оказалось при Богоявленскомъ Монастырѣ дарственныхъ въ разное время крестьянъ около пяти тысячъ (4,381).

Монастырскія зданія не представляютъ какихъ либо выдающихся особенностей въ архитектурномъ и художественномъ отношеніи. Первое изъ каменныхъ зданій, именно — Богоявленскій соборъ не восходитъ далѣе 1565 года; закладка этого храма послѣдовала въ 1559 году, а освященіе — въ 1565 году чрезъ 6 лѣтъ, при игуменѣ Ісаіи. Образцомъ для сего храма принять Московскій большой соборъ Успенскій. Монастырская каменная ограда вокругъ Монастыря на пространствѣ 400 сажень, оконченная въ 1648 году, имѣетъ видъ крѣпости съ амбразурами вверху и внизу, съ шестью башнями по угламъ и надъ двумя воротами. Строителю ограды игумену Герасиму объявлена была отъ царя Алексѣя Михайловича благодарность за его «радѣніе» и присланы десять чугунныхъ литыхъ пушекъ съ 40 ядрами; а отъ патріарха московскаго Іосифа пожертвовано было сто рублей «на оградное строенье». Въ общей картинѣ видъ монастырскихъ зданій производитъ сильное впечатлѣніе на любителя древностей, составляя рѣзкій контрастъ съ прочими городскими зданіями, возникшими въ концѣ прошедшаго и въ началѣ настоящаго столѣтія.

Кромѣ недвижимыхъ имѣній Монастырь Богоявленскій получалъ нерѣдко особенныя милости и права отъ царственныхъ особъ, а равно — и

цѣнные вклады отъ другихъ именитыхъ лицъ. По челобитью старца *Никиты*, основателя Богоявленской обители, Великій Князь Василій Васильевичъ темный пожертвовалъ на Волгѣ особую тоню для рыбной ловли и освободилъ монастырскія волости какъ отъ сбора земскихъ податей, такъ и отъ суда гражданскаго. Отъ Царя Θεодора Іоанновича была также дарована «несудная грамота» игумену Геннадію въ 1584 году. Царь Михаилъ Θεодоровичъ, возвращаясь въ 1618 году изъ Монастыря Макарьевскаго (на рѣкѣ Унжѣ), куда путешествовалъ вмѣстѣ съ своею родительницею для богомолья, посѣтилъ Богоявленскій Монастырь и приложилъ къ образу Богоявленія золотой Угорской, а Его родительница Марѳа Іоанновна пожертвовала панагійный крестъ. Царь Алексѣй Михайловичъ особою грамотою отъ 1652 года поручилъ игумену Герасиму имѣть надзоръ за священнослужителями города Костромы и всей округи Костромской (не имѣвшей тогда Епархіальнаго Архіерея), съ правомъ подвергать наказаніямъ и штрафамъ нарушителей церковнаго благочинія. Изъ именитыхъ вкладчиковъ и радѣтелей о Богоявленскомъ Монастырѣ можно упомянуть прежде всѣхъ доблестнаго Князя — патріота Д. М. Пожарскаго; драгоценныя ризы съ оплечьемъ, низаннымъ жемчугомъ и бархатная епитрахиль, съ 15-ю сребропозлащенными пуговицами, пожертвованныя симъ Княземъ 12 Февраля 1613 года, сохраняются донинѣ. Въ 1672 году былъ росписанъ греческимъ иконописаніемъ Богоявленскій соборъ, «на иждивеніе» боярина Петра Михайловича *Салтыкова*. Къ сему времени относится и написаніе Смоленской иконы Богоматери, чудесно сохранившейся во время бедствія 12 мая 1779 года, на стѣнѣ югозападной башни, гдѣ въ 1824 году на средства Костромскаго гражданина Θεодора Михайловича *Обрядчикова* устроена небольшая церковь, именуемая въ просторѣчїи «Смоленскою часовнею». Эта малая и позднѣйшая церковь нимало не пострадала во время стихійнаго бедствія, бывшаго въ 1847 году; въ ней не преставало совершаться богослуженіе во все время запустѣнія, въ какомъ суждено было находиться Богоявленскому Монастырю; въ ней же, какъ увидимъ, началось и первое служеніе монастырское при возобновленіи Монастыря

въ 1864 году. Внутри Монастыря въ 1760 году была воздвигнута особая церковь во имя Святителя Христова Николая «коштомъ» генеральши Екатерины Михайловны *Салтыковой*, надъ гробомъ супруга ея Михаила Петровича *Салтыкова*.

Много также сохранилось до настоящаго времени богослужебныхъ Евангелій и ризничныхъ вещей съ дорогими украшеніями, поступившихъ въ даръ отъ боголюбивыхъ бояръ, въ особенности Салтыковыхъ. Признательная обитель заносила въ синодики имена своихъ жертвователей въ «вѣчный поминокъ» и дѣйствительно ежегодно совершала поминовенія ихъ въ опредѣленные дни «соборными» служеніями *).

Съ первыхъ временъ существованія Богоявленскій Монастырь сдѣлался усыпальницею для многихъ изъ своихъ вкладчиковъ. Такъ еще въ 15 вѣкѣ здѣсь были погребены сыны Князя Василія Ярославича Боровскаго: Иванъ, Андрей и Василій; надгробный покровъ ихъ былъ цѣль до 17 столѣтія. Въ усыпальницѣ подъ Богоявленскимъ соборомъ сохранилась гробница Бориса и Михаила Михайловичей, Александра и Ѳеодора Петровичей, а также боярыни Марѳы Ивановны— Салтыковыхъ. Подъ Никольскою церковію погребено тѣло Михаила Петровича Салтыкова. Всѣ эти жертвователи, не щадившіе своего достоянія на нужды и украшеніе Монастыря, оставались конечно въ полной увѣренности, что избранное ими мѣсто вѣчнаго упокоенія обезпечено будетъ ихъ пожертвованіями навсегда, — что никакая рука не посягнетъ на расхищеніе ихъ достоянія, переданнаго ими, по видимому, въ самыя вѣрныя руки. Никто изъ нихъ не могъ и вообразить, что воздвигая въ Монастырѣ прочныя и по тогдашнему великолѣпныя зданія они приготовляли матеріаль для мощенія въ городе Костроме улицъ...

Позволительно замѣтить (какъ и дѣйствительно замѣчалъ народный

*) Имѣются нынѣ: сосуды отъ 1636, водосвятная чаша отъ 1637 года и напрестольное Евангеліе отъ 1639 года—даръ Дементія и Никиты Ковтыревыхъ; дорогая митра,—кадило съ верхомъ, на подобіе царской короны,—напрестольное Евангеліе большаго размѣра и воздвизальный сребропозлащенный и украшенный брилліантами Крестъ—пожертвованные отъ бояръ и боярынь Салтыковыхъ, серебряные съ позолотою сосуды отъ 1666 года— вкладъ князя Якова П. Волконскаго.

говорь), что вся эта многовѣковая обитель служила дорогою святынею, которую глубоко чтили не только жители Костромскіе, но и посторонніе,— не только простые, но и высокопоставленные граждане. Мученическая смерть иноковъ, положившихъ свой животъ за Царя въ смутное время междуцарствія, свидѣтельствуеетъ о высокой нравственности всей обители. Строгая исполнительность Церковныхъ правилъ въ Богоявленскомъ Монастырѣ и вѣрное слѣдованіе монастырскому уставу послужили причиною, что настоятелю сего Монастыря былъ порученъ Царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ церковный надзоръ за всѣми — монастырскими и приходскими священнослужителями Костромской округи. Всѣми чтимая святыня—чудотворная Смоленская икона Божіей Матери, сохранившаяся и сохранившая невредимымъ храмъ —особенная святыня.

Имя основателя Богоявленскаго Монастыря разъяснилось трудами (такихъ) ученыхъ изслѣдователей отечественной исторіи, какъ г.г.* В. Ундольскій и П. Казанскій. Въ сборникъ перваго (подъ № 574) замѣчено: «Преподобный старецъ *Никита*, основатель Богоявленскаго Монастыря, что на Костромѣ, сродникъ и ученикъ Сергію чудотворцу». По изслѣдованію П. С. Казанскаго (профессора Московской Д. Академіи) въ числѣ учениковъ Преподобнаго *Сергія* Радонежскаго упоминается подъ 1414 годомъ *Никита*, настоятель *Боровскаго* Монастыря; въ алтарѣ Успенскаго собора Сергіевой лавры имѣется изображеніе препод. *Никиты*, въ ряду учениковъ Препод. *Сергія*. Вѣроятно (заключаетъ г. Казанскій) этотъ *Никита* подъ старость переселился изъ Боровска въ Кострому и здѣсь около 1426 года основалъ новый Монастырь: погребеніе сыновъ *Боровскаго* Князя въ обители знакомаго ему настоятеля *Никиты* можетъ служить фактическимъ подтвержденіемъ переселенія его въ Кострому изъ г. Боровска. Мы увидимъ, какъ новыя обитательницы Богоявленскаго Монастыря чтутъ память «преподобнаго старца *Никиты*, основателя мѣсту сему», какъ замѣчено въ старинномъ синодикѣ Богоявленскаго Монастыря.

* (г.г. - господа)

Не малую службу сослужила Костромская обитель и для гражданского общества, не только в духовном, но и в житейском отношении. Такъ, по учрежденіи въ городъ Костромъ намѣстничества въ 1779 году, всѣ присутственныя мѣста были помѣщены въ зданіяхъ Богоявленскаго Монастыря и находились здѣсь до 1809 года, въ теченіе тридцати лѣтъ. Затѣмъ вскорѣ сюда переведена была въ 1814 году, Духовная Семинарія, находившаяся прежде въ загородномъ Спасо-запрудненскомъ Монастыре (съ 1760 г.).

Съ этого времени Богоявленскіе настоятели были вмѣстѣ и Ректорами Семинаріи. Нѣкоторые изъ нихъ приобрѣли общую извѣстность на высшихъ поприщахъ Іерархическаго служенія, каковы напр. Архіепископъ Псковскій Евгеній, Архіеп. Астраханскій Аѳанасій, Архіеп. Волынскій Агафангелъ, нынѣшній Архіеп. Херсонскій Платонъ и знаменитый миссіонеръ Алтайскій Архимандритъ Макарій Глухаревъ. Болѣе тридцати лѣтъ пользовалась гостепріимнымъ пріютомъ за высокими стѣнами Богоявленскаго Монастыря Костромская Семинарія; изъ нее вышли многіе пастыри, съ пользою послужившіе и продолжающіе служить для паствы Костромской Епархіи, а нѣкоторые изъ ея питомцевъ достигли высшихъ Іерархическихъ степеней, каковы: Симбирскій Епископъ (бывшій) Евгеній, Казанскій (бывшій) Архіепископъ Аѳанасій, Владимірскій (бывшій) Архіепископъ Антоній и Кіевскій (бывшій) Митрополитъ Арсеній. Нѣкоторые изъ питомцевъ Костромской Семинаріи сдѣлались извѣстными обществу по своей учености, напр. протоіерей Ѳеодор Ал. Голубинскій (+1854),—прот. Ал. В. Горскій (+1872),—Преосвященный Порфирій, докторъ Греческой словесности и другіе.

При такомъ историческомъ значеніи Богоявленскій Монастырь заслуживалъ полнѣйшее право на поддержаніе его существованія; онъ не походилъ на «безплодное» дерево, которое слѣдовало бы истребить,—онъ не былъ подобенъ «рабу», закопаншему въ землю данный ему талантъ.

Народные толки и упреки при виде монастырских развалинъ.

Для людей вѣрующихъ, взирающихъ на всѣ событія земныя со стороны высшаго міроуправленія, постигшее Костромскую обитель несчастіе казалось невѣдомымъ «выраженіемъ гнѣва Божія и испытаніемъ нашей вѣры и упованія»; такъ дѣйствительно сказано было въ «Рѣчи» Пресвященнаго Платона при открытіи Монастыря: «Испытывалъ ли Господь нашу вѣру и наше упованіе, не усматривалъ, ли Всевѣдущій достойныхъ къ совершенію сего дѣла—не знаемъ». Но люди, слѣдующіе одной логикѣ человѣческаго мышленія, позволяли себѣ иначе судить и даже осуждать лицъ, соприкосновенныхъ къ закрытію вѣковой обители. «Видно, эти лица, по словамъ нѣкоторыхъ, посягнувшія на разрушеніе Монастыря, были слишкомъ требовательны въ своихъ понятіяхъ объ историческомъ значеніи общественныхъ учрежденій, или вовсе не питали расположения къ историческимъ памятникамъ. Если Монастырь, просуществовавшій четыре вѣка, выдержавшій борьбу противъ враговъ отечества, постоянно обращавшій на себя вниманіе Царственныхъ особъ, привлекавшій къ себѣ сердца не только близкихъ, но и отдаленныхъ гражданъ всякаго званія и состоянія, такъ много послужившій для потребностей мѣстнаго общества,—если такой Монастырь признается «не имѣющимъ историческаго значенія»; то какимъ послѣ этого учрежденіемъ мы будемъ придавать историческое значеніе?!..» Другіе выражались еще съ большими упреками: «гдѣ же вниманіе къ благотворителямъ Монастыря? гдѣ соблюденіе воли завѣщателей, если ихъ зданія безпощадно разбираются и употребляются для городскихъ анбаровъ и для мощенія улицъ, если самыя гробницы ихъ, окупленныя большими вкладами, обнажаются и оставляются въ явномъ пренебреженіи?! Такой примѣръ посягательства на частное имущество, ввѣренное попеченію Духовнаго правительства, оскорбляетъ чувства справедливости и можетъ охлаждать усердіе къ благотворительности въ пользу церквей и монастырей»... А иные прямо требовали, чтобы Духовное начальство немедленно приступило къ возстановленію упраздненнаго Монастыря: «Для блага Церкви, для чести

общества, для соблюденія справедливости въ отношеніи къ строителямъ и благотворителямъ Монастыря, Богоявленскій Монастырь необходимо возстановить. Пройдетъ еще нѣсколько времени, на мѣстѣ Монастыря не останется отъ прежнихъ построекъ камня на камень; тогда уже поздно будетъ думать о возстановленіи его. Ошибка нашего поколѣнія перейдетъ въ потомство, какъ дѣло неисправимое» .

Первый докладъ о возстановленіи Богоявленскаго Монастыря.

Въ то время,—какъ въ обществѣ Костромскомъ распространялись такіе толки, переходившіе отъ сожалѣній къ упрекамъ и отъ упрековъ къ сожалѣніямъ,—въ тихой кельѣ дѣвичьяго Анастасіина Монастыря, послѣ усердной молитвы къ Господу Богу и къ Пречистой Богоматери, не безъ участія Ангела Хранителя, рукою Игуменіи Маріи 2 числа Іюля 1863 года писался формальный докладъ Его Преосвященству, Преосвященнѣйшему Платону, Епископу Костромскому и Галичскому о возстановленіи упраздненнаго Монастыря Богоявленскаго. Всякое благое дѣло, касающееся вѣчной участи многихъ душъ, исходитъ отъ благословенія Божія, охраняется смиреніемъ и приводится въ исполненіе совершенною преданностію волѣ Божіей, съ полнѣйшимъ самоотверженіемъ, какъ положенъ всему этому вдохновляющій примѣръ въ смиренномъ «кровѣ Іосифовѣ» богоизбранною Отроковицею. Вѣримъ и увѣряемся благими послѣдствіями, что дѣло, принятое на себя Игуменіею Маріею, было не отъ человѣкъ (Дѣян. 5, 38); вѣримъ и не сомнѣваемся, что въ ней воздвигъ Господь для блага вѣрующихъ благопотребное орудіе (Сирах. 10, 4); вѣримъ и дерзаемъ высказать, что здѣсь—при устроеніи святой обители для жаждущихъ спасенія, было особенное участіе небесныхъ Ангеловъ, радующихся и о единомъ грѣшникѣ кающемся (Лук. 15, 7). Въ названномъ «докладѣ» Игуменія Марія сперва выставляетъ рѣшительную невозможность привести въ порядокъ и дать надлежащее устройство обветшавшимъ келліямъ ввѣреннаго ей въ настоящемъ (1863) году дѣвичьяго Анастасіина Монастыря; затѣмъ указываетъ на остающійся въ

запустѣніи около 16 лѣтъ Богоявленскій Монастырь,—выставляетъ извѣстныя желанія и обѣщанія Костромскихъ гражданъ касательно возстановленія Богоявленскаго Монастыря, — предлагаетъ подручныя и ближайшія средства для немедленнаго начатія сего дѣла предоставляя дальнѣйшему времени постепенное перемѣщеніе монахинь изъ настоящихъ келлій въ новыя, по мѣрѣ устроенія ихъ въ Богоявленскомъ Монастырѣ. «Возобновленіе упраздненнаго Монастыря Богоявленскаго,—говорилось между прочимъ въ докладѣ игуменіи,—кромѣ удобствъ для помѣщенія многочисленныхъ сестеръ обветшавшей нашей обители и кромѣ сохраненія древняго Монастыря, какъ священнаго памятника, удовлетворило бы благочестивому усердію гражданъ г. Костромы и соотвѣтствовало бы волѣ почившаго въ Бозѣ Императора Николая Павловича». Очевидно, что писавшая эти строки внимательно прослѣдила исторію своего предмета и горячо принимала къ сердцу говоръ и желанія современныхъ гражданъ.

Резолюція Преосвященнаго Платона.

Преосвященный Платонъ, какъ видно, самъ ожидалъ этого «доклада» Игуменіи Маріи и, принявъ его благосклонно, энергически занялся приведеніемъ его къ исполненію. Для начатія дѣлопроизводства по этому сложному предпріятію наряжена была, по резолюціи Преосвященнаго, особая коммиссія изъ трехъ протоіереевъ*); ей поручено было «собрать всѣ свѣдѣнія, относящіяся къ состоянію дѣвичьяго Монастыря Анастасіина и мужскаго упраздненнаго Богоявленскаго, а также—о средствахъ и возможности привести въ исполненіе желаніе Игуменіи». Не трудно было коммиссіи представить требуемыя свѣдѣнія, давно уже подготовленныя; такъ что 7-го числа октября было уже готово донесеніе Преосвященнаго Платона Святѣйшему Синоду о возстановленіи упраздненнаго

*) Членами этой Коммиссіи были: протоіерей кафедральный Мартинъ Беневоленскій (нынѣ Архимандритъ Іаковъ, намѣстникъ Ипатьевскаго Монастыря),—протоіерей дѣвичьяго Монастыря Муравьевъ и протоіерей Магницкій.

Богоявленскаго Монастыря, съ передачею его мѣстности, зданій, денежныхъ билетовъ и **ризничныхъ вещей, находившихся въ Игрицкомъ Монастырѣ**, дѣвичьему Монастырю и съ наименованіемъ возобновляемаго Монастыря «Богоявленско-Анастасіинымъ». Такъ какъ этотъ вопросъ, по дѣйствию промысла Божія, уже предрѣшенъ былъ самымъ временемъ и всѣми другими, даже случайными, обстоятельствами,—такъ какъ онъ былъ поставленъ прямо и основательно опытнымъ Архипастыремъ и такъ какъ — что по словамъ самаго Архипастыря (какъ увидимъ) составляетъ здѣсь главное—въ настоящее время нашлась личность, вполне подготовленная и благонадежная къ выполненію этой высокой задачи; то рѣшеніе высшаго начальства въ желательномъ смыслѣ не замедлило послѣдовать. Въ концѣ 1863 года полученъ былъ изъ Святѣйшаго Синода указъ о передачѣ мѣстности упраздненнаго Богоявленскаго Монастыря, съ Высочайшаго соизволенія, въ вѣдомство дѣвичьяго Анастасіина Монастыря, на основаніяхъ, изъясненныхъ въ донесеніи Костромскаго Епархіальнаго Начальства.

*Первая вѣсть о возстановленіи Богоявленскаго Монастыря
и первое въ немъ служеніе съ участіемъ монахинь
дѣвичьяго Монастыря.*

Новый 1864-й годъ принесъ для жителей города Костромы, а въ особенности для монахинь Крестовоздвиженскаго Анастасіина Монастыря, самую пріятную новость, столь нетерпѣливо ожидавшуюся всѣми. Разрѣшеніе о возстановленіи Богоявленскаго Монастыря, состоявшееся въ декабрѣ 1863 года, было объявлено въ Костромѣ только въ первыхъ числахъ наступившаго новаго 1864 года. Съ быстротою молніи распространилась по городу эта новость,—эта радостная новость! Простой некнижный народъ увидѣлъ подтвержденіе этой вѣсти 6-го числа января, когда по освященіи воды на Волгѣ крестный ходъ съ чудотворною Теодоровскою иконою Богоматери направился не въ соборъ каѳедральный, а мимо дѣвичьяго

Анастасіина Монастыря къ Смоленской часовнѣ упраздненнаго Богоявленскаго Монастыря; такъ всегда было до 1847 года, т. е. храмовый праздникъ Богоявленскаго Монастыря всегда совершался въ прежнія времена здѣсь 6-го числа вечеромъ всенощнымъ богослуженіемъ, а 7-го числа—литургією въ честь именно «Богоявленія Господня». Съ благословенія Архипастыря монахини Анастасіина Монастыря должны были теперь въ первый разъ совершить храмовое торжество переданной имъ новой обители Богоявленской точно такъ, какъ совершалось оно въ первые годы ея существованія до 1847 года. Царица небесная, окруженная сонмомъ монахинь, въ чудотворномъ своемъ образѣ шла теперь благословить ввѣряемое имъ достояніе и какъ бы ввести ихъ во владѣніе имъ.

Церковь въ честь Смоленской иконы Божіей Матери, или по просторѣчю Смоленская часовня хотя не древняго устройства, но она одна изъ всѣхъ церквей Богоявленскаго Монастыря сохранилась въ цѣлости послѣ бѣдствія, бывшаго въ 1847 году. Думаль ли строитель ея, блаженной памяти Архимандритъ Макарій, бывший потомъ Алтайскимъ миссіонеромъ, что здѣсь—въ созданной имъ малой церкви продолжится вѣковое богослуженіе старинной обители, превратившейся въ развалины? Думаль ли онъ, что здѣсь же положится начало возстановленія прочихъ—древнѣйшихъ церквей обители изъ развалинъ? Но мы имѣемъ побужденія задуматься надъ этою случайностію, конечно, не случайною. Извѣстно, что какъ строитель Смоленской часовни, такъ и жертвователь (Ѳеодор Михайловичъ Обрядчиковъ) отличались высокимъ благочестіемъ и нестяжательностію; надъ ними сбылось слово свящ. писанія: «Даяніе Господа предоставлено благочестивымъ, и благоволеніе Его будетъ благопоспѣшно для нихъ во вѣкъ» (Сирах. 11, 15). Еще болѣе извѣстно, что внутри Смоленской часовни, устроенной въ 1826 году (ровно чрезъ четыреста лѣтъ отъ основанія Богоявленскаго Монастыря!) находится мѣстная святыня — Смоленская икона Божіей Матери, прославленная многими чудотвореніями съ 1779 года и непрестающая привлекать къ себѣ сердца вѣрующихъ. Вотъ что привлекло сюда—къ этому благословенному

мѣсту—особенную благодать Божію! Вотъ тѣ, постижимыя для вѣры, причины, по которымъ это мѣсто послужило во главу угла для возстановляемой обители Божоявленной, съ присоединеніемъ къ ней другой, довольно древней и почтенной обители Анастасіиной.

Анастасіинъ дѣвичій Монастырь по началу своему восходить къ половинѣ 14 вѣка; главный храмъ его именовался «Ризположенскимъ» (въ честь положенія Ризъ Пресвятыя Богородицы во Влахернѣ, празднуемаго 2-го числа іюля). По скудному состоянію и неудобствамъ помѣщенія Анастасіинъ Монастырь въ 1764 году былъ перемѣщенъ къ Успенскому собору и соединенъ съ бывшимъ тамъ Крестовоздвиженскимъ Монастыремъ. Но чрезъ 10 лѣтъ, по случаю стихійнаго бѣдствія, истребившаго зданія Крестовоздвиженскаго Монастыря близъ Успенскаго собора, Анастасіинъ Монастырь опять возвращенъ былъ на прежнее (признанное неудобнымъ) свое мѣсто, съ сохраненіемъ даннаго ему названія „Крестовоздвиженскій“, по Указу Святѣйшаго Синода отъ 1775 года. На мѣстѣ зданій Крестовоздвиженскаго Монастыря построены были существующей до нынѣ теплый каедральный соборъ и каменный домъ для временнаго пребыванія Епархіальнаго Архіерея, пріѣзжающаго сюда изъ Ипатьевскаго Монастыря. Въ желаніи игуменіи Маріи, руководившейся сознаниемъ многихъ неустранимыхъ неудобствъ Анастасіиной обители (давно уже признанныхъ), **сохранить первоначальное ея названіе «Анастасіина» усматривается похвальное вниманіе къ указаніямъ исторіи, а въ избраніи для своего ходатайства по сему дѣлу 2-го числа іюля (т. е. дня храмоваго праздника первоначальной обители) обнаружилась поучительная вѣра въ силу молитвъ *первыхъ* монахинь города Костромы.**

Торжественное празднество, совершенное въ Смоленской церкви 6-го числа вечеромъ и 7-го утромъ, было весьма важнымъ событіемъ для Костромитянъ; оно было своевременно описано и опубликовано не только въ мѣстныхъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ, но и въ С.-Петербургскомъ духовномъ изданіи («Духовной Бесѣдѣ» за 1864 годъ, въ № 11). Общее настроеніе молящихся было не только поддержано, но и просвѣтлено

живыми и сильными словами Архипастырской рѣчи, произнесенной во время литургіи Преосвященнымъ Платономъ. На эту рѣчь можно смотреть, какъ на «историческій» документъ изъяснившій важность настоящаго событія, раскрывшій его сущность съ тѣхъ именно сторонъ, съ какихъ оно вызывало недоумѣнія. Вотъ подлинный текстъ этой знаменательной рѣчи, сказанной главнымъ распорядителемъ дѣла, вполне знавшимъ всѣ обстоятельства, соприкосновенныя съ нимъ: «кто, братіе, изъ преданныхъ православной Церкви, при видѣ сей древней обители, не скорбѣлъ объ ея запустѣніи и не желалъ возстановленія оной въ прежнемъ благолѣпіи (а мы видѣли, какая была объ этомъ скорбь!)? Сколько и мы выслушали сихъ желаній и даже упрековъ за обитель (эти упреки также были указаны нами выше), хотя нимало незаслуженныхъ нами? Се нынѣ благословите Господа вси раби Господни, не только предстоящіе въ храмѣ семъ, но и вездѣ пребывающіе ревнители возстановленія святой обители. Благословеніемъ священной (Святѣйшаго Синода) и соизволеніемъ Державной (Государя Императора) власти сія древняя обитель, запустѣвшая и разрушаемая рукою времени и людей, возстановляется и передается въ мѣсто жилища уже не мужамъ, какъ прежде, но дѣвамъ, уневѣстившимъ себя Христу. Замѣчательно, что и во время перваго своего переселенія къ Успенскому собору Анастасіина обитель вытѣснила оттуда мужей; въ своемъ прошеніи, поданномъ Царю Θεодору Іоанновичу и патріарху Іоакиму монахини прямо просили, при помѣщеніи ихъ въ Крестовоздвиженскомъ Монастырѣ, о «выведеніи изъ онаго Архимандрита съ братією». И эта братія была переведена въ Богоявленскій мужской Монастырь.

Возрадуйся нынѣ о Господѣ ты, сонмъ иночествующихъ дѣвъ! ты наследуешь досточтимое мѣсто. Сія древняя Богоявленская обитель освящена вѣковыми молитвами, пощеніями, бдѣніями, колѣнопреклоненіями и другими подвигами иноческими. И орошена кровію мучениковъ, положившихъ здѣсь животъ свой за вѣру, Царя и отечество (въ 1608 году). Знаемъ, что вамъ, сестры о Господѣ, предлежитъ много заботъ, скорбей, трудовъ и слезъ при возстановленіи этихъ развалинъ. Но неизреченна благодать Господа Бога ко всѣмъ вѣрующимъ и уповающимъ на

Него... Прибѣгайте чаще съ молитвою къ Господу Богу и къ Пресвятой Владычицѣ Богородицѣ, особенно предъ *чудотворною* иконой Ея въ семь святомъ храмѣ (Смоленская икона Богоматери, изображенная на стѣнѣ въ 1672 году и прославленная въ 1779 году). Это одно изъ драгоцѣннѣйшихъ вашихъ здѣсь наслѣдій. Предъ сей святой иконой изливайте ваши сердца и открывайте нужды; Царица Небесная не оставитъ васъ безъ своей помощи и утѣшенія. Ея предстательству, покрову и защищенію мы (говорить Архипастырѣ о себѣ) вручаемъ васъ и святую обитель. Можемъ ли съ вами не благодарить и не благословлять нынѣ Господа и мы? Возстановленіемъ сей обители вамъ даруется болѣе удобствъ для монастырской жизни, а съ насъ (т.е. съ Епархіального Архіерея) снимается тяжелая обязанность служить разрушенію сего священнаго памятника древняго благочестія. И мы вѣруемъ, что слава сей второй обители будетъ болѣе славы обители первой; ибо многочисленный соборъ иночествующихъ дѣвъ представитъ Господу Богу на служеніе болѣе душъ, нежели малый нѣкогда ликъ иночествующихъ здѣсь мужей*).

Съ пророками, кажется, мы видимъ, что самые камни сей обители облекаются веселіемъ, и слышимъ, что отъ радости потрясаются кости здѣсь почившихъ отцевъ и братій и говорятъ: «Господи, Господи, кто подобенъ Тебѣ?», ибо здѣсь опять не одинъ разъ въ день будетъ возноситься безкровная жертва объ ихъ успокоеніи и спасеніи всѣхъ, опять возобновятся на семь мѣстѣ молитвы, колѣнопреклоненія, бдѣнія и пощенія, опять начнетъ равноангельская жизнь, «Призри съ небесе, Боже и виждь и посѣти виноградъ сей и утверди его, егоже насади десница Твоя» (Псал. 129, 15—16)!

Если для всѣхъ такъ отраднo возстановленіе сей обители, то для чего же, подумаетъ кто, отлагали это дѣло до сего времени (около 16 лѣтъ)?

*) Судя по большому числу лицъ женскаго пола, нуждающихся по сиротству, или вдовству, или по нерасположенію къ брачной жизни, въ Монастырскомъ прирѣннiи и способныхъ здѣсь своими трудами, подъ руководствомъ опытныхъ старицъ, послужить не только для своего содержанія и спасенія, но и на пользу ближнихъ, слѣдовало бы многіе изъ малолюдныхъ третьекласныхъ мужскихъ Монастырей обратить въ женскіе, съ переводомъ ихъ малочисленной братіи въ первокласные и второкласные Монастыри, нуждающіеся нынѣ въ пополненіи.

Испытывалъ ли Господь нашу вѣру и упованіе,—не усматривалъ ли Всевидящій Господь достойныхъ къ совершенію сего дѣла (вопросъ поставленъ прямо и соотвѣтственно съ общимъ настроеніемъ слушателей; такой же точно данъ и отвѣтъ на этотъ вопросъ)? Съ нашей стороны (лично о себѣ говоритъ Архипастырь, умалчивая о распоряженіи своихъ предмѣтниковъ) была здѣсь самая простая причина—мы не видѣли ни людей, ни средствъ нужныхъ для сего дѣла великаго и многотруднаго (дѣйствительно это дело таково!). И теперь нѣтъ никакихъ средствъ для сего; но нашлась душа, горящая духомъ (разумѣется здѣсь Игуменія Марія, рѣшившаяся принять на себя великую и многотрудную миссію—возстановленіе Богоявленскаго Монастыря). Она, взвѣсивъ всю трудность и важность подлежащаго подвига, въ упованіи на благодать милосерднаго Господа, на покровъ и предстательство Пресвятой Владычицы Богородицы и на молитвы Преподобнаго Никиты и невѣдомыхъ угодниковъ Божіихъ, здѣсь почивающихъ (и прибавимъ отъ себя—тѣхъ угодницъ Божіихъ, какія спасались въ стѣнахъ Анастасиной обители), приносить себя въ жертву на служеніе возстановленію обители. Да приметъ Господь Богъ сію жертву ревности въ воню благоуханія Своего духовнаго и да ниспосылаетъ ей всегда Свое, пренебесное благословеніе» (такъ охарактеризовалъ Преосвященный Архипастырь главную виновницу возстановленія Богоявленскаго Монастыря, Игуменію Марію, указавъ источникъ ея рѣшимости на сіе служеніе въ горѣніи духа, а успѣхъ исполненія—въ благословеніи Божіемъ, по молитвамъ Богоматери и святыхъ угодниковъ Божіихъ)!

«Принесемъ нынѣ,—сказалъ въ концѣ своей рѣчи Архипастырь,—благодарственное пѣніе Господу Богу и Преблагословенной Богородицѣ предъ Ея чудотворнымъ образомъ,—драгоценной святыней сего храма. Сему научили насъ древніе богодухновенные мужи: «пожри Богови жертву хвалы и воздаждь Вышнему молитвы твоя» (Пс. 49, 14).

Слова этой рѣчи Архипастырской были такъ содержательны и рѣшительны,—произношеніе ихъ такъ было живо и сильно, что слушавшіе ихъ не менѣе самаго проповѣдника чувствовали, какъ снимается съ нихъ

тяжкая отвѣтственность за долгое оставленіе досточтимой обители въ развалинахъ,—что уже насталь конецъ глубокой скорби, возбуждавшейся грустнымъ видомъ этихъ развалинъ,—что недалеко то время, когда на мѣстѣ ихъ возстанетъ новая, болѣе славная обитель, въ которой снова повторятся моленія, пощенія, колѣнопреклоненія и другія выраженія иноческой жизни. Теперь для всѣхъ стало видно, кому поручается и къмъ принимается на себя это, желанное для всѣхъ дѣло; взоры слушателей обратились съ отрадными надеждами къ той избранницѣ Божіей, горящей духомъ, на которую указаль теперь Преосвященный Владыка. Знавшіе высокія дарованія и долговременное приготовленіе Игуменіи Маріи (въ мірѣ Софія Давыдова) въ стѣнахъ Анастасиной обители съ 1847 года, теперь увѣрились указаніемъ Архипастыря, что самое прибытіе ея въ Кострому въ означенномъ году уже служило нѣкоторымъ предъуказаніемъ на ея нынѣшнее избраніе и рѣшимость принять на себя трудный подвигъ возстановленія полуразрушенной обители Богоявленской и устраненія давно признанныхъ неудобствъ Анастасиной обители. На душѣ всѣхъ слушателей было такъ свѣтло и отрадно, что имѣвшее явиться впоследствии процвѣтаніе Богоявленско-Анастасиной обители представлялось уже существующимъ.

Не менѣе было трогательно и успокоительно для всѣхъ совершенное послѣ литургіи самимъ Архипастыремъ, съ соборомъ сослужащихъ священнослужителей и сонмомъ монахинь, чтеніе Акаѳиста Божіей Матери предъ Ея чудотворною иконою, которая при этомъ была изящно украшена разноцвѣтными лампадами и живыми цвѣтами отъ усердія новыхъ хранительницъ сей святыни. Въ особо составленной молитвѣ къ Богоматери, прочитанной послѣ Акаѳиста съ колѣнопреклоненіемъ, все упованіе на успѣшное возстановленіе Богоявленскаго Монастыря возложено на всемогущее заступленіе Царицы Небесной.

Съ сего времени навсегда принято монахинями въ каждую субботу читать Акаѳистъ Божіей Матери въ Смоленской церкви, гдѣ началось первое служеніе монастырское, по передачѣ имъ Богоявленскаго Монастыря.

Закладка пристроекъ къ Богоявленскому храму.

Изъ всѣхъ храмовъ и зданій Богоявленскаго Монастыря считался древнѣйшимъ и лучшимъ Богоявленскій храмъ, устроенный при Игуменѣ Исаи въ 1565 году по образцу Московскаго Успенскаго собора. Мы знаемъ, что покойному Государю Николаю Павловичу желалось сохранить этотъ храмъ, какъ «памятникъ древности»; и этотъ памятникъ дѣйствительно сохраненъ и такъ благолѣпно украшенъ внутри, что въ немъ съ отраднымъ чувствомъ могутъ совершать богослуженіе высшіе Іерархи нашей Церкви и присутствовать Царственныя особы. Но мы хотимъ показать здѣсь самое начало благоустроенія сего храма, когда онъ, обреченный на разломку, стоялъ безъ главъ, съ разрушенной кровлей, безъ пола, оконъ и дверей и когда окружавшія его галлерей и стоявшія вблизи — колокольня и церковь Срѣтенская уже были разобраны... Плачевное состояніе, въ какомъ находился нѣкогда этотъ храмъ, нужно припоминать для того, чтобы лучше цѣнить неоцѣнимыя заботы его возстановителей и благоукрасителей.

Вступивши въ январѣ 1864 года во владѣніе полуразрушенной обителию, монахини Анастасіина Монастыря, весьма чуткія къ общему говору, направили всѣ свои приготовленія къ главному пункту, вызывавшему общее сочувствіе, именно — къ Богоявленскому храму. Заботы о келліяхъ, весьма нужныхъ для нихъ, онѣ отложили до другаго, болѣе удобнаго времени. Днемъ закладки «для возсозданія древняго храма и забралъ сей обители» избрано было 12-е число мая,—число, имѣвшее весьма важное значеніе въ исторіи Богоявленскаго Монастыря; объ этомъ прямо и ясно сказано было въ поучительной проповѣди Преосвященнаго Платона, произнесенной на литургіи. Эта проповѣдь и другія богослуженія, совершенныя 12-го числа мая 1864 г. въ стѣнахъ Богоявленскаго Монастыря, достойны записи и всегдашняго сохраненія въ лѣтописи возстановленія сего Монастыря.

Нужно замѣтить, что въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ— съ 7-го января до 12 числа мая—дѣятельность монахинь была самая усиленная;—въ это короткое и не совсѣмъ удобное для построекъ время онѣ успѣли во первыхъ

принять отъ бывшей комиссіи по разломкѣ зданій упраздненнаго Монастыря 295 тысячъ кирпича, 115 кубическихъ саженой булыжнаго камня, 146 кубическихъ саженой щебня и 500 пудовъ разнаго желѣза; актъ объ этомъ подписанъ 11 числа апрѣля 1864 года. Во вторыхъ—приняли по описямъ ризничныя вещи, кииги и капиталы, принадлежащіе прежнему Богоявленскому Монастырю и **находившіеся съ 1847 года въ Игрицкомъ Монастырѣ**; актъ объ этомъ подписанъ 28 числа апрѣля 1864 года*). Въ третьихъ—**перевезли изъ Ипатьевского Монастыря** всѣ колокола Богоявленскаго Монастыря и повѣсили ихъ въ западной башнѣ, обращенной въ колокольную навсегда; отъ угодьевъ и оброчныхъ статей, перешедшихъ къ Ипатьевскому Монастырю, монахини благоразумно отказались, удовольствовавшись тѣми, какіе считались за Анастасіинымъ Монастыремъ.

Всѣхъ колоколовъ разной величины девять; большій изъ нихъ имѣетъ въ себѣ вѣсу 158 пудовъ и 2 фунта. Онъ вылитъ еще въ 1606 году, такъ что звуки его давно извѣстны жителямъ Костромы. А потому, когда раздался благовѣстъ 12 числа мая въ 7 часовъ утра, то народъ, при слышаніи давно знакомыхъ ему звуковъ, радостно осѣнялъ себя крестнымъ знаменіемъ, замечая: «хозяинъ воротился домой и созываетъ гостей!» А нужно сказать, что этотъ колоколъ дѣйствительно отличается гармоническою звучностію и вполне оправдываетъ сдѣланную на немъ надпись «Сей вѣстникъ въ церковь созываетъ великимъ гласомъ чадъ ея; онъ волю Божью возглашаетъ безъ словъ, но громко. Всѣмъ поя Божію милость».

*) Настоятелемъ Игрицкаго Монастыря и Ректоромъ Костромской Семинаріи былъ тогда архимандритъ Іосифъ, поступившій на эти должности 25-го числа марта 1862 года изъ инспекторовъ С.-Петербургской Семинаріи. Послѣ архим. Агаангела, при которомъ пострадалъ Богоявленскій Монастырь и настоятельство переведено было съ вторымъ классомъ сего Монастыря въ Игрицкій, были настоятелями въ сѣмъ Монастырѣ и Ректорами Семинаріи: Архимандритъ Порфирій, Архимандритъ Викторинъ, Архимандритъ Митрофанъ, и Архимандритъ Іосифъ. Съ выбытіемъ сего послѣдняго изъ Костромы 14-го сент. 1860 г., настоятельство въ Игрицкомъ Монастырѣ передано было, по распоряженію Святѣйшаго Синода, преосвященному епископу, викарію Костромской епархіи; а ректоры Семинаріи должны были съ того времени ограничиваться одною ректорскою должностію, безъ настоятельства въ Монастырѣ, согласно съ новымъ уставомъ Семинарій.

Ровно въ 8-мь часовъ утра прибылъ къ оградѣ Богоявленскаго Монастыря Преосвященный Платонъ и, при полномъ звонѣ колоколовъ!, встреченный монахинями и священнослужителями вступилъ въ Смоленскую Церковь для совершенія Божественной литургіи. Сослужащими Владыкѣ были: Ректоръ Семинаріи, Архимандритъ Іосифъ; кафедральный протоіерей Мартинъ Беневоленскій нынѣ Архим. Іаковъ; протоіерей Ильинской Церкви Іоаннъ Казанскій*; протоіерей Павелъ Островскій; священникъ Козьмодемьянской Церкви Арсеній Потаповъ, возведенный при этомъ служеніи въ санъ протоіерея и священникъ дѣвичьяго Монастыря Олегонъ Тарѣлкинъ.

Въ обычное время за литургією Преосвященный Платонъ произнесъ поучительное слово, имѣвшее близкое отношеніе къ совершаемому празднеству; въ немъ Архипастыръ объясняетъ значеніе дня, избраннаго для закладки храма— восхваляетъ и утѣшается благоговѣйнымъ ревнованіемъ монахинь о возстановленіи храма Божія прежде устроенія собственныхъ жилищъ, крайне имъ нужныхъ, — благодаритъ явныхъ и тайныхъ благотворителей святой обители и трогательно умоляетъ ихъ, гласомъ пастыря, отъ имени покойныхъ родителей и предковъ, во имя собственнаго ихъ спасенія, не отказывать въ своихъ пожертвованіяхъ возникающей вновь обители. Не меньшій интересъ жизненный заключало въ себѣ это второе поученіе Архипастыря, какимъ проникнуто было первое, сказанное здѣсь 7-го числа января; оно имѣетъ полное право стоять въ ряду историческихъ документовъ возстановленнаго Монастыря Богоявленскаго. По сему мы приводимъ его здѣсь безъ всякихъ сокращеній: «Настоящій день, слушатели, есть одинъ изъ особенныхъ дней милости Божіей къ сей обители. Мѣсто сіе, гдѣ мы предстоимъ, и святыя изображенія Господа Бога Саваоѳа и Пречистой Владычицы Богородицы на стѣнѣ монастырской остались невредимы, какъ нѣкогда купина горящая и не сгораемая.

*) О. Казанскому въ этотъ день была дана въ награду за его долголетнюю службу въ священнослужительскомъ санѣ палица, по благословенію Святѣйшаго Синода. Въ благодарной своей рѣчи Архипастырю о. протоіерей указалъ между прочимъ и на совершавшееся торжество 12 числа мая такимъ образомъ: «для преподанія мнѣ награды ты, благовнимательный Архипастыръ, избралъ и случай торжественный для нашего града и достойный занять почетное мѣсто въ лѣтописяхъ нашего края на всѣ времена».

Въ память сей Божіей милости и въ надеждѣ новыхъ даровъ благодатныхъ, настоящій день—12-е число мая— избранъ для положенія основанія къ возсозданію древняго храма и забралъ сей обители. Съ утѣшеніемъ останавливаю вниманіе ваше, почтенные слушатели, на томъ, что сестры обители прежде всего возревновали о возстановленіи сего храма, еще для нихъ не очень нужнаго, а не объ устройствѣ жилищъ для себя, крайне имъ нужныхъ. Помолимся Господу Богу, въ Троицѣ покланяемому, да подасть Онъ имъ средства и силы къ совершенію великаго намѣренія— возстановленія храма и всей обители,—да изліетъ Онъ свое пренебесное благословеніе и на дѣло и на дѣлателей. О, святая обитель, дивно богоспасаемая! да прозвуться спасеніе забрала твоя и врата твоя хвала (Исаи 60, 18); въ тебѣ, словесный рай, уже слышится гласъ Господа ходящаго и знаменующаго Свое посѣщеніе ощутительными дѣйствіями благодати. Видѣна шествія Твоя, Боже, видѣна шествія Твоя! Такъ, слушатели: если бы можно было снять завѣсу молчанія, подъ которою до времени нужно хранить тайны Божіи, то узрѣвъ силу и чудеса Божіи, являемая въ возстановленіи сей обители, и невѣрующей—скажемъ Апостольскими словами—падъ ницъ поклонится Богу, возвѣщая, яко во истину Богъ съ вами есть (1 Кор. 14, 25).

Пріимите признательность Церкви и Обители сей вы, благотворители, уже явно и тайно принесшіе свои лепты на возстановленіе сей обители. Самъ Господь да освятитъ и прославитъ васъ своею Божественною славою.

Вспомните свое обѣщаніе и всѣ вы, которые нѣкогда сильно выражали свое желаніе видѣть возстановленіе сей древней обители (въ докладной запискѣ, поданной Великимъ Князьямъ Николаю и Михаилу Николаевичамъ). На ваши торжественныя, на хартіяхъ выраженныя обѣщанія сдѣлать достаточныя пособія мы указывали Священной власти и ручались предъ нею, что вы поможете возстановленію сей обители. Просимъ васъ,—помогите возникающей вновь обители; она во всемъ имѣетъ нужду. Не отвергните нашего пастырскаго гласа, призывающаго васъ къ дѣлу богоугодному,—не отвергните; ибо истинныя овцы слушаютъ гласа пастыря своего и идутъ по немъ. Но мы просимъ васъ не отъ себя

только, но и отъ имени вашихъ родителей и предковъ, которые сюда приходили для молитвы за себя и за васъ, и которые завѣщали вамъ любовь къ сей обители. Наконецъ молимъ васъ о семъ вашимъ собственнымъ вѣчнымъ спасеніемъ. Жертвы на удовлетвореніе чувственности и страстей идутъ въ адъ, въ руки демоновъ и навлекаютъ вѣчное осужденіе; а благотворенія святымъ храмамъ и обителямъ и всѣмъ нуждающимся людямъ, во имя Господа Іисуса, вписываются въ книгу вѣчной жизни. Самъ Господь приѣмлетъ ихъ себѣ и воздастъ сторицею въ сей и будущій вѣкъ».

На столь рѣшительный и убѣдительный гласъ Архипастыря отозвались всѣ сословія Костромскихъ гражданъ; явились жертвователи и изъ другихъ—отдаленныхъ мѣстъ, о чемъ скажемъ ниже.

По окончаніи литургіи начался водосвятный молебенъ и крестный ходъ двинулся изъ храма на внутреннюю площадь Богоявленскаго Монастыря; въ этомъ ходѣ участвовали чудотворныя иконы: Феодоровская икона Божіей Матери изъ кафедральнаго собора и Тихвинская—изъ Ипатьевского Монастыря, а также—икона Христа Спасителя изъ Запрудненской церкви. Многія тысячи богомольцевъ всякаго званія и состоянія закрывали обширный дворъ монастырскій. Особенная торжественность православнаго богослуженія чувствовалась среди такого многолюдства, подъ открытымъ небомъ, гдѣ живѣе ощущается величіе Того, Кому небо престоль, земля же подножіе (Исаи. 66, 1).

Освященіе воды совершено было среди монастырскаго двора, на особо устроенной площадкѣ, покрытой балдахиномъ; здѣсь стояли хоругви отъ градскихъ церквей и чудотворныя иконы—Феодоровская, Тихвинская и Спасо-запрудненская. Послѣ пасхальнаго канона (еще не послѣдовало въ томъ году отданіе Пасхи), былъ пропѣтъ тропарь Богоявленскій: «Во Іорданѣ крещающуся Тебѣ, Господи»... Въ это время Преосвященный Владыка окадилъ рвы, приготовленные для положенія фундамента, въ предшествіи протодіакона и иподіаконовъ, и въ преднесеніи чудотворныхъ иконъ. Послѣ кажденія и малой ектеніи, по требнику Петра Могилы, окропленъ былъ деревянный крестъ, водруженный на все время работъ,

при пѣніи тропаря: «Кресту воздрузившуся»... и кондака: «Скорый въ заступленіи»... Вслѣдъ за симъ прочитаны были архіереемъ молитвы: «Господи Боже вседержителю»... (съ обращеніемъ къ востоку),— «Господи Боже нашъ, съверъ и море»... (съ обращеніемъ къ сѣверу),— «Господи Боже нашъ, Его же хвально имя»... (съ обращеніемъ къ западу) и «Господи Іисусе Христе»... (на югъ). По прочтеніи сихъ молитвъ началась самая закладка въ такомъ порядкѣ: Преосвященный Платонъ, опустившись въ сѣверо-западный уголъ рва, гдѣ приготовлена была чугунная плита съ обозначеніемъ года, числа и мѣсяца закладки, положилъ на верху ея, съ окропленіемъ святою водою, крестообразный рядъ кирпичей; такой же рядъ кирпичей былъ положенъ архіереемъ и на прочихъ трехъ углахъ. Послѣ Преосвященнаго положены были нѣкоторые камни Игуменію Маріею, а также начальствующими лицами свѣтскаго званія. По выходѣ изъ рва прочитана была молитва, положенная въ требникѣ (стр. 66). Затѣмъ крестный ходъ направился къ южной стѣнѣ монастырской ограды и здѣсь было положено основаніе для добавочной стѣны. Отсюда опять возвратились въ Смоленскую церковь, гдѣ начато было настоящее торжество. Здѣсь послѣ отпуста провозглашено было многолѣтіе Государю Императору и всему царствующему дому,—затѣмъ— Святѣйшему Синоду и мѣстному архипастырю съ освященнымъ соборомъ,—наконецъ—Игуменіи Богоявленско-Анастасіина Монастыря Маріи съ сестрами и всѣмъ православнымъ христіанамъ.

Во время шествія Архіерея изъ храма въ келліи были благословлены имъ приготовленные для раздачи народу хлѣбы и металлическіе крестики. Нужно было видѣть усиліе и просьбы многочисленныхъ богомольцевъ, желавшихъ получить хотя малую крупицу благословеннаго хлѣба, чтобы возрадоваться духомъ о той силѣ вѣры, которая оживляетъ нашъ православный народъ. Вообще можно сказать, что весьма трогательно было то живое участіе, съ какимъ тысячи народа разныхъ званій и состояній внимали церковнымъ священнодѣйствіямъ, — и где же? на развалинахъ древней обители, вокругъ рововъ, изъ коихъ виднѣлись гробы и даже обнаженные кости давно погребенныхъ здѣсь предковъ... Поистиннѣ этотъ

соборъ многъ живыхъ людей въ состояніи былъ возбуждать мысль объ общемъ воскресеніи нашемъ, а еще болѣе—поддерживать увѣренность, что возобновляемая обитель Богоявленская скоро воскреснетъ изъ своего заустѣнія и облечется въ новый благолѣпный видъ. Единодушное благоговѣніе предъ развалинами древней обители, умиленіе и слезы, съ какими вѣрующія души, руководимыя своимъ архипастыремъ, взирали на основные камни возстановляемаго обиталища иноческаго благочестія, наконецъ внезапное просвѣтленіе неба послѣ нѣсколькихъ дней пасмурной и дождливой погоды, — все это вмѣстѣ давало намъ—ближайшимъ участникамъ сего знаменательнаго торжества—дерзновеніе св. пророка: «прииде время ущедрити заустѣвшее место сіе, яко благоволиша раби Твои каменіе и персть его ущедрятъ» (Псал. 101, 14).

Первая годовщина возобновляемой обители.

Первая годовщина возобновляемой обители Богоявленско-Анастасіиной праздновалась 7-го числа января 1865 года въ той же малой церкви, называемой «Смоленскою часовнею», но уже съ большею увѣренностію въ успѣхѣ и съ большею торжественностію. Преосвященный Платонъ, совершавшій божественную литурію, произнесъ такую проповѣдь, на которую можно смотрѣть, какъ на документальный «отчетъ» годичной дѣятельности монастырскаго начальства и общественныхъ пожертвованій на это многотрудное дѣло. «Совершился годъ, какъ мы,—началь свою проповедь Архипастырь,—въ семь храмъ приносили жертву благодаренія Господу Богу, чрезъ Священную и Державную власть воззвавшему сію древнюю обитель къ новой жизни. Радостенъ былъ для насъ праздникъ возстановленія обители. Но невольно сердце наполнялось страхомъ при взглядѣ на громадныя развалины возобновляемой обители и на храмы Божіи, лишенные крова, и особенно при мысли о скудныхъ средствахъ для великаго дѣла. Но вы сами, почтеннѣйшіе слушатели, видите, что стало въ годъ съ сею обителью. Храмы, обезображенные пламенемъ и временемъ, возстановляются, облакаются въ благолѣпіе; на

главахъ ихъ уже сіяютъ кресты; нѣкоторыя сестры нашли себѣ пріютъ въ сей обители, устроятся жилища и для прочихъ; укрѣпляется огражденіе и изготовлено много потребнаго для продолженія работъ въ настоящемъ году. Гдѣ бы на все это найти средства, еслибы самъ Ты, Господи, не подаль руками любящихъ благолѣпіе дома Твоего и иноческія обители? Сестры обители уповали и молились,—молились непрерывно и съ сокрушеннымъ сердцемъ; и Господь услышалъ ихъ, ибо Онъ близъ есть сокрушенныхъ сердцемъ и смиренныя духомъ спасетъ (Псал. 33, 19).

Общее сочувствіе къ возстановленію обители выражалось отсюда и во всемъ; оно являлось и въ словахъ одобренія и въ молитвахъ (интересно бы сдѣлать извлеченіе изъ тѣхъ писемъ, какія писались матери Игуменіи отъ высокопоставленныхъ лицъ—духовныхъ и свѣтскихъ!), и въ благихъ совѣтахъ и въ щедрыхъ пожертвованіяхъ для возобновляемой обители (общая цифра пожертвованій, по указанію Преосвященнаго, въ теченіе перваго года дошла до двадцати тысячъ). Истинно самъ Духъ Божій воспламенялъ своихъ рабовъ ревностію и усердіемъ. Какъ во дни пророка Моисея весь народъ Божій, для сооруженія скиніи свидѣнія, жертвовалъ свои драгоценности, не жалѣя ничего; такъ и для возстановленія сей обители пожертвованія приносились отъ лицъ всякаго званія. Жертвовали не только тѣ, которыхъ Господь благословилъ достояніемъ, но и глубокая нищета, скажемъ съ апостоломъ, изливалась въ богатствѣ щедрости (2 Кор. 8, 2). Бѣдные, одѣтые въ рубища, приносили златницы (одна поселянка, крайне бѣдная и одѣтая въ рубище, принесла двадцать пять золотыхъ полуимперіаловъ, завѣщанныхъ ей отцемъ на «богоугодныя» дѣла). Иные нажитое трудами цѣлой жизни приносили со слезами умиленія въ жертву на возстановленіе обители по убѣжденію, что не могутъ изъ своего достоянія сдѣлать лучшаго употребленія (одна поселянка Юрьевица принесла узелокъ серебряной монеты на 50 рублей, полученный ею отъ дѣда съ завѣщаніемъ передать на истинно благотворное дѣло). Поступали пожертвованія и изъ далекихъ мѣстъ, даже изъ такихъ, гдѣ собственная нищета храмовъ и обителей требуетъ особой помощи (изъ г. Ошмянъ Виленской губерніи прислано двадцать пять рублей при письмѣ,

въ которомъ выражается живѣйшее сочувствіе къ дѣлу возстановленія Божоявленной обители). Но особенною благодарностію обязана сія обитель вамъ, рабы Божіи, живущіе въ семъ богоспасаемомъ градѣ. Пожертвованія отъ гражданъ всѣхъ званій и состояній лились, можно сказать, рѣкою*). И съ какимъ живымъ расположеніемъ, съ какою готовностію, съ какою довѣренностію и простотою великія и малыя жертвованія были вручаемы въ обитель большею частію въ присутствіи только одного Господа! Какъ мы желали бы теперь уподобиться мусикійскому орудію, изъ коего дыханіе вѣтра безъ содѣйствія рукъ человѣческихъ извлекаетъ согласные звуки, чтобы быть органомъ славословія Богу и благодаренія Ему за васъ и о васъ, граждане града сего. Вы наша радость,—вы наша похвала,—вы наше утѣшеніе о Христѣ Иисусѣ, Господѣ нашемъ. Ваши жертвы на возстановленіе обители рукой трепетной, но отъ сердець полныхъ вѣры и упованія, уже представлены Богу, какъ знаменіе вашей любви къ Нему. Да освятитъ Онъ ихъ взоромъ отеческаго благоволенія и любви къ вамъ и да приметь ихъ, какъ благоуханное кадило. Жертвуя для обители, вы сами воспріемлете спасительное воздѣйствіе въ очищеніи, просвѣщеніи и собственномъ преспѣяніи духовномъ. Чѣмъ болѣе расточаете свои блага съ мыслію о вѣчности, ради Христа и во Христѣ, тѣмъ болѣе обогащаетесь благословеніями Божіими для временной жизни и вѣчнаго спасенія.

Сестры обители! Восхвалите Господа со мною, вознесемъ имя Его вкупѣ съ благодареніемъ за Его истинно дивныя и великія милости, которыя суть явное знаменіе особеннаго Его промышленія о возстановляемой обители. Вся ваша жизнь должна быть одною непрерывною благодарностію Богу и славословіемъ Его. Да воспламеняется ваше сердце святою ненавистію ко всему, что противно Божественному вашему Жениху въ мысляхъ, чувствахъ, желаніяхъ, словахъ и дѣлахъ вашихъ, и да възгрѣвается въ васъ любовь къ Нему единому. Тогда Онъ самъ изъ сей земной обители, изъ сихъ малыхъ келлій возведетъ васъ въ свой небесный чертогъ, гдѣ вы будете вѣчно торжествовать вмѣстѣ съ Его невѣстами.

*) Изъ крупныхъ жертвованій можемъ указать слѣдующія: отъ братьевъ Стоюниныхъ тысяча рублей,—отъ К. Е. Мясникова тысяча руб.,—отъ А. А. Акатова 500 рубл.,—отъ Чумакова 300,—отъ Бутниковой 200 и т. п.

Матерь Божія да будетъ вашею истинною матерью, и своимъ материнскимъ благословеніемъ и ходатайствомъ да закроетъ навѣки ту пропасть, которую грѣхи наши образуютъ между нами и Богомъ.

Слово наше опять къ вамъ, благотворители обители! Возстановляемая усердіемъ вашимъ обитель будетъ вѣковымъ памятникомъ вашей вѣры и вашего благочестія для грядущихъ поколѣній. Имена ваши всегда молитвенно воспоминаются предъ Богомъ сестрами обители. Но еслибъ онѣ и забыли о васъ, то Церковь никогда не забудетъ васъ. Доколѣ будетъ стоять обитель, до тѣхъ поръ она не престанетъ вопіять предъ Богомъ о милости къ благотворителямъ и создателямъ ея. Самъ Господь Богъ, по молитвамъ Церкви, воспрославитъ васъ своею силою и воздастъ вамъ за ваши благотворенія сей обители изобильною мѣрою благодати, которой и одна капля безконечно многоцѣннѣе всѣхъ заслугъ, подвиговъ и добродѣтелей человѣческихъ. Буди имя Его благословенно отнынѣ и до вѣка! Аминь.

Освященіе Никольской церкви.

Недаромъ Архипастырь такъ восхвалялъ усердіе жертвователей и такъ возбуждалъ дѣятельность насельницъ Богоявленско-Анастасіина Монастыря; эта дѣятельность и это усердіе проявились въ теченіе настоящаго—1865 года въ самыхъ широкихъ размѣрахъ.

Начнемъ съ внѣшности Монастыря; она возстановлена была въ этомъ году, можно сказать, окончательно. Изъ-за громаднхъ стѣнъ монастырской ограды, поправленной во многихъ мѣстахъ и надстроенной, далеко выказываются блестящія пять главъ, осѣняющихъ алтарь Богоявленскаго собора и ярко сіяетъ четырехконечный крестъ въ коронѣ надъ Никольскою церковью. Одна изъ башней на западной стѣнѣ ограды обращена въ колокольню, гдѣ повѣшены всѣ девять колоколовъ, уцѣлѣвшихъ отъ пожара и снова перевезенныхъ сюда изъ Ипатьевскаго Монастыря, гдѣ они въ теченіе 16 лѣтъ находились какъ бы на чужбинѣ. По входѣ въ Монастырь чрезъ «святыя ворота», находящіяся подъ названною

колокольнею, вы видите на лѣвой сторонѣ каменный двухэтажный корпусъ съ подвалами и мансарднымъ этажемъ на 39 саженьяхъ длины и 8 саженьяхъ ширины. Объ этомъ корпусѣ можно сказать приличнее, что онъ къ 15 числу сентября «выросъ» на развалинахъ, нежели построенъ; такъ быстро производилась его постройка! Расположеніе этого корпуса, какъ покажемъ ниже, весьма оригинально; онъ соединяетъ въ себѣ удобства новѣйшихъ зданій съ скромностію и уединеніемъ древнихъ теремовъ. На правой сторонѣ отъ входа вашимъ взорамъ представляется обновленная извнутри и извнѣ церковь во имя святителя и чудотворца Николая. Въ этой церкви происходили 14 числа сентября вечеромъ и 15 числа утромъ такія торжества церковныя, которыя заняли тогда общее вниманіе всего города и достойны занесенія въ Монастырскую нашу лѣтопись.

Въ день воздвиженія честнаго креста Господня, послѣ литургіи, инокини съ крестнымъ ходомъ, сопровождавшимъ чудотворную Феодоровскую икону Богоматери, подвиглись въ Богоявленско-Анастасіинъ Монастырь изъ прежняго—Крестовоздвиженскаго.

Для предстоящихъ празднествъ онѣ избрали 15-е число сентября, когда воспоминается Преподобный Никита, основатель Богоявленскаго Монастыря; изъ этого можно усматривать поучительное почтеніе монахинь къ тому, кто нѣкогда избралъ эту мѣстность, доставшуюся теперь имъ въ удѣлъ. Всенощное бдѣніе 14 числа съ 6 часовъ вечера совершалось въ личномъ присутствіи Костромскаго Архипастыря, выходившаго на литію и на величаніе. Въ это время одинъ только алтарь, какъ еще не освященный, оставался во мракѣ, но за то паперть и средняя часть храма были залиты свѣтомъ, разливавшимся отъ множества свѣчей въ подсвѣчникахъ и главномъ паникадилѣ, а также—отъ разноцвѣтныхъ лампадъ. При яркомъ свѣтѣ еще свѣтлѣе заблесталъ дубовый съ позолотой иконостасъ, еще ярче засіяли золотыя и серебряныя ризы съ камнями на многихъ иконахъ; но особеннымъ, блескомъ искрились въ это время брилліанты на золотыхъ ризахъ мѣстныхъ иконъ Христа Спасителя и Богоматери,—усердный даръ первой храмоздательницы Екатерины Михайловны Салтыковой (+1768 г.). Прибавьте къ этому блеску гирлянды

душистыхъ цвѣтовъ, которыми украшены были всѣ иконы, люстры и подсвѣчники; и вы поймете, что здѣсь горящія вѣрою сердца благоговѣйныхъ насельницъ святой обители старались принести въ жертву для Господа Бога и для святыхъ угодниковъ Его возможно-лучшіе дары и въ возможно-лучшемъ видѣ. И сторонніе зрители, какъ мы чувствовали это на себѣ, видимо проникались чувствами священнаго восторга и утѣшенія при видѣ столь трогательнаго усердія. Особенность при совершеніи литіи была та, что она была совершена не въ притворѣ храма, какъ бываетъ обыкновенно, но внѣ храма, именно: первая эктенія была возглашена противъ западныхъ вратъ храма, — вторая — противъ южныхъ, — третья — противъ алтаря, — а четвертая — противъ сѣверныхъ дверей храма. При этомъ весь народъ, наполнявшій монастырскій дворъ, соединился съ вышедшими къ нему священно-служителями; такъ что вся обширная площадь Монастыря обратилась въ одинъ храмъ, осѣненный небеснымъ сводомъ. Темнота ночи нимало не омрачила свѣтлаго торжества; такъ какъ противъ нея приняты были свои мѣры, именно: по всей оградѣ монастырской и на стѣнахъ колокольни разставлены были зажженные плашки, а вокругъ Никольской церкви и на одной сторонѣ Богоявленскаго собора въ разноцвѣтныхъ фонаряхъ горѣли свѣчи. Чудное вышло зрѣлище! свѣтъ плашекъ и свѣчей разгонялъ ночную темноту, а ночная темнота сообщала этому свѣту особенный блескъ.

Дальнѣйшее служеніе всенощной, продолжавшееся до 10 часовъ ночи, совершалось обычнымъ порядкомъ церковнымъ, при стройномъ пѣніи хора Архіерейскихъ и монастырскихъ пѣвчихъ. Каждый богомолецъ и каждая богомолка, — смѣемъ думать, возвратились домой съ множествомъ разнородныхъ спасительныхъ впечатлѣній; и долго, долго длилась у нихъ бесѣда съ своею семьей!

На другой день—15-го числа сентября съ ранняго утра народъ собирався въ Богоявленскій Монастырь, на освященіе Никольской церкви. Въ 9 часовъ утра дѣйствительно прибылъ Архіепископъ Платонъ и, въ сослуженіи съ двумя архимандритами: Іосифомъ — бывшимъ ректоромъ Костромской Семинаріи и настоятелемъ второкласснаго Игрицкаго

Монастыря и Иннокентіемъ — настоятелемъ Желѣзноборовскаго Монастыря, совершилъ освященіе Никольскаго храма. Къ вчерашнему освещенію присоединилось нынѣ освѣщеніе алтаря, — къ вчерашнимъ цвѣтамъ прибавлены новые, которыми устланъ былъ весь путь Архіерея, во время шествія его со святыми мощами изъ Смоленской церкви въ Никольскую. Умилительно было до слезъ это усердіе монахинь, напоминавшее Евангельскую исторію о встрѣчѣ Христа Спасителя при входѣ Его въ Іерусалимъ; но не менѣ трогательна была вѣра тѣхъ, которые съ восхищеніемъ старались поднять для себя хоть одинъ помятый цвѣтокъ, чрезъ который прошла священная процессія.

Послѣ многолѣтія началась въ новоосвященномъ храмѣ Божественная литургія въ половинѣ 12-го часа. Неутомимый Архипастыръ, всею душою преданный дѣлу возстановленія обители, не оставилъ настоящаго случая безъ своего слова, весьма поучительнаго для всѣхъ присутствовавшихъ въ храмѣ, а въ особенности для обитательницъ святой обители, обязанныхъ углубляться въ тайны царствія Божія и поучаться въ законѣ Господнемъ день и ночь (Псал. 1, 2). Мы не приводимъ здѣсь этого слова Архипастырскаго частію по его обширности, а еще болѣе потому, что въ немъ не было никакихъ заявленій о состояніи Монастыря, служащихъ къ пополненію его лѣтописи. Благодарнымъ молебствіемъ Господу Богу и моленіемъ святителю Николаю чудотворцу заключено было столь продолжительное священнодѣйствіе настоящаго дня.

По выходѣ изъ храма Преосвященный Владыка благословилъ приготовленныя въ четырехъ большихъ кадкахъ для раздачи народу просфоры и куски чернаго хлѣба; а затѣмъ былъ сопровождаемъ въ новоустроенный корпусъ, упомянутый выше. Здѣсь предложено было для Владыки и всѣхъ приглашенныхъ благотворителей и участниковъ торжества радушное угощеніе отъ новыхъ обитательницъ устроенныхъ ими келлій. Нужно отдать честь этому радушію христіанскому, что оно, исходя отъ сердца во многихъ случаяхъ, особенно во время богослуженія, возвышалось до вдохновенія и въ свою очередь вызывало въ самыхъ холодныхъ сердцахъ невольное сочувствіе и неотразимое утѣшеніе.

Одновременное устройство разныхъ зданій.

Начатыя въ 1864 и 1865 годахъ монастырскія зданія непрерывно и одновременно продолжались въ теченіе слѣдующихъ лѣтъ до 1873 включительно. Изъ нихъ по времени окончательнаго устройства являются слѣдующія:

1) Трапезный корпусъ, стоящій на сѣверной сторонѣ отъ собора Богоявленскаго, какъ сказано было выше; онъ отстроенъ былъ въ одно лѣто, но послѣ былъ значительно измѣненъ какъ во внутреннемъ расположеніи, такъ и во внѣшнихъ пристройкахъ. Состоя изъ двухъ верхнихъ этажей и одного подвального, этотъ корпусъ имѣетъ три выступа, одинъ въ центрѣ зданія и два боковые. Въ среднемъ этажѣ главное помѣщеніе занимаетъ трапезная палата, освѣщенная 10-ю большими окнами въ два свѣта; надъ палатою съ двухъ сторонъ устроены хоры, поддерживаемые 7-ю колоннами и выступъ для чтенія во время трапезы. Стѣны и потолокъ трапезной палаты раздѣланы подъ ясень, окрашены клеевой краской и разрисованы узорчатой арнаментировкой въ древнемъ Византійскомъ вкусѣ, вокругъ обведены карнизомъ того же рисунка, а также и перила, хоръ и выступъ для чтенія, колонны раздѣланы подъ розовое, окна подъ красное дерево, двери, столы и скамьи подъ дубъ и покрыты маслянымъ лакомъ, полъ обтянутъ кардономъ и окрашенъ желтой масляной краской. На лѣво отъ палаты буфетъ; въ немъ устроено помѣщеніе для машины, на коей изъ келарни во время обѣда поднимаютъ блюда съ кушаньемъ въ трапезную палату, и 4 шкафа для посуды. Подлѣ буфета рядомъ съ трапезной палатой въ 2 окна келья для приѣма сестрами посѣтителей. Подлѣ буфета 3 келліи для служащихъ при трапезѣ сестръ. Далѣе чрезъ сѣни, имѣющія выходъ на деревянную, на каменныхъ столбахъ, соединенныхъ арками, галлерею, соединяющую трапезный корпусъ съ Соборомъ и сходъ по лѣстницѣ въ келарню, находятся 5-ть келлій для должностныхъ монахинь, изъ коихъ три окнами въ садъ занимаютъ казначеею Монастыря и двѣ обращенныя окнами къ Собору—свѣчницею Богоявленскаго Собора. На право отъ трапезной палаты келья съ 4-мя окнами по два на южную и сѣверную сторону. За нею мастерская

живописная съ 8-ю окнами по 4 на каждую сторону. Подлѣ нея 5-ть келлій съ 14 окнами на обѣихъ сторонахъ для помѣщенія сестръ, занимающихся въ мастерскихъ. Въ этихъ мастерскихъ и кельяхъ сестръ стѣны и потолокъ раздѣланы подѣ ясень и окрашены клеевой краской, въ нѣкоторыхъ же кельяхъ голубымъ свѣтлымъ колеромъ, окна подѣ розовое дерево, двери подѣ дубъ. Въ верхнемъ этажѣ, на лѣвомъ выступѣ, мастерская золотошвейная и 2 кельи для сестръ съ 7-ю окнами. Далѣе въ монсардномъ этажѣ, на сторонѣ обращенной къ Собору 9-ть келлій для сестръ. Черезъ теплый свѣтлый корридоръ противъ келлій устроены чуланы и шкафы для одеждъ сестръ. На правомъ выступѣ двѣ кельи съ 8-ю окнами, занимаемыя старшими монахинями. Въ нижнемъ этажѣ въ срединѣ корпуса на сторонѣ отъ Собора находится главный входъ съ свѣтлымъ деревяннымъ тамбуромъ; отъ онаго чрезъ широкій, аркой, корридоръ-лѣстница, поднимающаяся въ трапезную палату и монсардный этажъ, освѣщенная 6-ю окнами, гдѣ находятся: келарня съ правой стороны главнаго входа съ тремя отдѣленіями и буфетомъ для чистки посуды столовой и кухонной, напротивъ комната для сестръ, трудящихся въ семъ послушаніи. Въ первомъ отдѣленіи келарни находится голландская чугунная печь съ плитою и духовымъ шкафомъ, котель вмазанный въ изразцевую печь съ двумя кранами для воды и машина для подъема блюдь съ кушаньями въ трапезную палату. Во второмъ отдѣленіи; съ 2-мя окнами, большая изразцевая печь, въ которую вмазаны 4 большіе котла, съ жестяными крышками для варки кушаньевъ, 1-й въ 17-ть ведръ, 2-й 12-ть ведръ, 3-й 9-ть ведръ, и 4-й 5-ть ведръ, подѣ каждымъ котломъ особая топка, чугунная плита со шкафомъ духовымъ, надѣ котлами и плитой желѣзныя навѣски, жестяныя трубы для выпуска паровъ. Въ третьемъ отдѣленіи, въ 3 окна, изразцевая русская печь и келья для раздачи кушаньевъ, — полъ во всѣхъ отдѣленіяхъ келарни бетонный. Подлѣ келарни разныя помѣщенія для чистки рыбы и овощей и для храненія посуды: двѣ кладовыя для провизіи и два выхода чрезъ сѣни— одинъ на Монастырь, а другой на черный дворъ. Чрезъ корридоръ отъ келарни 3 кельи съ 7-ю окнами, для старшей келарницы и сестръ, трудящихся въ семъ послушаніи, и холодный чуланъ для храненія провизіи. Съ лѣвой стороны отъ главнаго входа въ первой

кельѣ съ 2-мя окнами помѣщается монастырская сестра, обязанная встрѣчать приходящихъ съ заказами въ мастерскія, или для посѣщенія сестеръ и провожать ихъ куда слѣдуетъ по указанной инструкціи. Рядомъ келлія съ двумя окнами для сестръ. Далѣе мастерская портная съ 8-ю окнами на обѣихъ сторонахъ и 4 кельи съ 4 окнами, для монахини завѣдывающей мастерскою и сестръ, находящихся въ семъ послушаніи. Какъ въ мастерской, такъ и въ 2-хъ теплыхъ корридорахъ по обѣ стороны оной, устроены въ стѣнахъ и возлѣ оныхъ гардеробы и шкафы для уборки матеріаловъ, работъ и прочихъ вещей, принадлежащихъ мастерской, а также и для одеждъ сестръ. За мастерскою двѣ кельи для сестръ погребницъ, съ 3-мя окнами къ погребамъ. По другую сторону корридора окнами въ садъ въ 2 окна квасоварня, съ принадлежащими къ ней кладовыми для храненія посуды и 1 келья съ однимъ окномъ для сестръ трудящихся въ семъ послушаніи. Въ подвальномъ этажѣ со сводами находится большой подвалъ для храненія годоваго запаса овощей и два другіе, въ которыхъ устроены двѣ механическія печи, отопливающія весь корпусъ. Въ центрѣ монсарднаго этажа устроенъ резервуаръ, получающій воду чрезъ водоемную машину изъ устроеннаго вблизи корпуса колодца и чрезъ проведенныя въ стѣнахъ трубы снабжающій водою келарню, буфетъ, квасоварку, всѣ келліи и другія помѣщенія. При трапезномъ корпусѣ имѣются четыре погреба и мучной амбаръ.

2. Настоятельскій корпусъ каменный одноэтажный съ подвальнымъ и монсарднымъ этажами, на 45 саженьяхъ; главный фасадъ обращенъ на южную сторону. Начать постройкою въ 1867 году, а оконченъ въ 1871 году. Отопленіе производится механическими печами, устроенными въ подвальномъ этажѣ; снабжается водою также, какъ и первый корпусъ, посредствомъ резервуара, находящагося въ монсардномъ этажѣ.

3. Больничный каменный корпусъ пристроенъ съ западной стороны къ Смоленской церкви, на 28 саженьяхъ. Главный фасадъ обращенъ на восточную сторону. Въ подвальномъ этажѣ устроенъ резервуаръ, въ который проводится изъ городского бассейна рѣчная вода для потребностей всего Монастыря, а въ особенности для находящейся здѣсь прачечной.

4. Монастырская ограда простирается на 400 сажений; во многих частяхъ она исправлена и заново устроена. Съ западной стороны имеются святыя ворота подъ башнею, служащею вмѣсто колокольни. На южной — устроены общія въѣздныя ворота, подъ башню, на которой сохранился отъ пожара древній образъ святителя Николая. Внутри ограды по сѣверной и восточной сторонамъ имѣются садъ и цвѣтники.

Особенная заботливость объ устроении Богоявленскаго собора.

Указанныя выше монастырскія зданія, кромѣ прочности и приспособленности къ потребностямъ монастырскаго быта, отличаются изяществомъ и художественными достоинствами. Художественность въ устройствѣ зданій не вредитъ ихъ прочности и не требовала лишнихъ расходовъ; она была прямымъ выраженіемъ развитаго вкуса и знанія дѣла. Между тѣмъ Монастырь получилъ чрезъ это приличный ему видъ и сдѣлался дѣйствительно мѣстомъ, достойнымъ охранять древнія святыни города Костромы. Главное зданіе Монастыря—Богоявленскій соборъ, возобновленный въ древнемъ видѣ, съ соотвѣтствующими ему украшениями, получилъ въ показанныхъ монастырскихъ зданіяхъ приличную для себя обстановку. Все вниманіе жительницъ Богоявленской обители было обращено на благоуукрашеніе собора; закладкой его стѣнъ, какъ мы видѣли, началось возстановленіе Монастыря въ 1864 году: возведеніемъ его стѣнъ и сводовъ, устройствомъ его кровли, главъ и крестовъ въ 1865 году возстановленъ прежній видъ Монастыря; изъ всѣхъ келлій устроены ходы къ собору, какъ главному средоточію всего Монастыря. Все это требовало большіхъ затратъ не только денегъ, но и ума и опытности и вкуса; еще болѣе потребовались эти затраты при устроении внутреннихъ принадлежностей и украшеній собора. Мы начнемъ свое описаніе съ усыпальницы, гдѣ находятся гробницы князей, сыновъ Боровскаго князя Василія Ярославича и нѣкоторыхъ почетныхъ лицъ прежняго и настоящаго времени. Вся усыпальница раздѣлена сводами на четыре отдѣленія; стѣны и своды расписаны аль-фреско.

Съ южной стороны усыпальницы устроена въ 1867 году, по старанію Игуменіи Маріи, на лепты сестеръ обители, небольшая церковь во имя преп. Сергія и святаго великомученика Никиты. Назначеніе этой церкви по преимуществу состоитъ въ томъ, чтобы молитвенно воспоминать почившихъ благодотворителей святой обители и въ особенности Преподобнаго старца Никиту, основателя мѣсту сему. Гробницу основателя Богоявленской обители можно предполагать вблизи мѣста, занимаемаго церковію во имя Преподобнаго Сергія и великомученика Никиты. **Старець Никита былъ ученикомъ Преподобнаго Сергія Радонежскаго**, и весьма умѣстно соединена память его Ангела—Св. Великомученика Никиты съ Святымъ наставникомъ его, Преподобнымъ Сергіемъ. Во всякомъ случаѣ похвально намѣреніе монахинь Богоявленской обители живо сохранять память о приснопамятномъ старцѣ Никитѣ, который за четыреста лѣтъ положилъ здѣсь начало монастырской жизни. **Въ малой церкви Сергіе-Никитской онѣ могутъ не только выразить чувства своей благодарности къ «основателю» своей обители, но и находить понятныя напоминанія о соблюденіи монашескихъ своихъ обѣтовъ.**

Перейдемъ отсюда въ верхнюю часть собора чрезъ западныя двери, стоящія прямо противъ святыхъ воротъ Монастыря: первая часть—паперть занимаетъ пространство въ три сажени; дальнѣйшая часть—притворъ простирается на четыре сажени; главный храмъ имѣетъ двадцать сажений въ длину и столько же въ ширину; въ алтарѣ, образовавшемся изъ прежнихъ стѣнъ собора съ толстыми столбами, насчитывается десять сажений. **Клиросы отдѣлены отъ храма двумя иконостасами, за которыми не видно монахинь для стоящихъ въ храмѣ. Солея возвышена отъ пола храма на семь ступеней, а отъ пола клиросовъ—на четыре ступени;** полъ въ алтарѣ и въ прочихъ частяхъ собора мозаичный изъ разныхъ мраморовъ. Стѣнное древнее росписаніе алтаря, оригинальное устройство царскихъ вратъ и разстановку иконъ въ главномъ и дополнительныхъ иконостасахъ мы предоставляемъ личному наблюденію посѣтителя; здѣсь такъ много замѣчательныхъ особенностей, что мы отказываемся даже отъ простаго перечисленія ихъ, во избѣжаніе

неточности. Можемъ только сообщить, что кипарисный престоль устроенъ на возвышеніи трехъ ступеней и осѣненъ вызолоченнымъ балдахиномъ, стоящимъ на седми колоннахъ; горнее мѣсто также украшено вызолоченнымъ балдахиномъ; въ иконостасе всѣ иконы древнія въ серебряныхъ ризахъ, а колонны и карнизы убраны разноцвѣтными камнями, по образцу восточныхъ храмовъ Константинополя, Θεσσαλονικι, Никеи и др. Освѣщается соборъ десятию паникадилами, висящими въ аркахъ, отапливается тремя духовыми печами. Общее впечатлѣніе, производимое внутренностію собора, въ высшей степени благотворно: здѣсь во всемъ господствуетъ удивительная гармонія! Обширная и высокая арка, чрезъ которую открывается видъ въ алтарь, представляется какъ бы небомъ отверстымъ (Дѣян. 7, 56) и тамъ—въ таинственной дали алтаря вѣрующая душа можетъ созерцать Господа славы, окруженнаго сонмомъ Ангеловъ и святыхъ Божіихъ.

На западной стѣнѣ собора находится чугунная плита съ такою надписью: «При державѣ Благочестивѣйшаго Самодержавнѣйшаго великаго Государя Императора Самодержца всея Россіи Александра втораго, по благословенію Преосвященнѣйшаго Платона Архіепископа Костромскаго и Галичскаго, **сія церковь Богоявленія Господня** возобновлена и украшена, съ устройствомъ при ней трапезы, тщаніемъ и трудами Игуменіи Маріи съ сестрами въ лѣто отъ Рождества Христова 1869, заложена же она трапеза 1864 года мая 12 дня, освященъ соборъ 1869 года декабря 28 дня».

Торжество освященія Богоявленскаго собора.

Судя по значенію Богоявленскаго собора, въ ряду прочихъ зданій Богоявленско-Анастасиной обители, судя по тѣмъ стараніямъ, какія прилагались монастырскимъ начальствомъ въ теченіе шести лѣтъ на его устройство и благоуукрашеніе и наконецъ судя по тому участию, какое костромскіе граждане принимали въ устройеніи этого «памятника древняго благочестія», ставшаго теперь вѣковымъ памятникомъ ихъ усердія къ

родной святынь,—судя по всему этому можно сказать, что торжество освященія Богоявленскаго собора было общимъ торжествомъ всѣхъ гражданъ костромскихъ, а наипаче — ближайшихъ распорядителей и виновниковъ сего дѣла,— Архіепископа Платона и Игуменіи Маріи. Въ Костромскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ (за 1870 г. № 3) это торжество прямо названо «важнымъ событіемъ для г. Костромь». Оно было совершено 28 числа декабря 1869 года Архіепископомъ Костромскимъ Платономъ въ сослуженіи Архимандрита Іакова и седми протоіереевъ и священниковъ. На священнодѣйствовавшемъ Владыкѣ былъ бархатный саккосъ, украшенный множествомъ жемчуга,—омофоръ изъ золотого глазета также былъ убранъ жемчугами и драгоцѣнными камнями. На всѣхъ прочихъ священно-служителяхъ были новыя облаченія розоваго цвѣта. Для участія въ крестномъ ходу вокругъ храма собрались по своему усердію почти все протоіереи и священники костромскихъ и близлежащихъ сельскихъ церквей и такимъ участіемъ умножили великолѣпіе празднества. Колокольный звонъ при этомъ производился во всѣхъ церквахъ г. Костромы. Почти пять часовъ продолжалось освященіе храма съ литургією и молебномъ. Во главѣ гражданскихъ властей, присутствовавшихъ въ храмѣ, находился г. управлявшій губернією вице-губернаторъ А. Д. Свербеевъ (нынѣ самарскій губернаторъ). О множествѣ народа всѣхъ званій и состояній мы уже не говоримъ; оно само собою подразумѣвается. Общая и частная радость по сему случаю весьма живо представлена въ восторженномъ словѣ архипастыря. Положивъ въ основаніе своего слова текстъ изъ пророка Аггея: «Велія будетъ слава храма сего послѣдняя паче первыя» (Агг. 2, 10), маститый ораторъ съ апостольскою силою и властію продолжалъ слѣдующую, поистинѣ вдохновенную рѣчь: «Не видите ли, слушатели, исполненіе сихъ пророческихъ словъ, сказанныхъ объ Іерусалимскомъ храмѣ, на семъ храмѣ и на сей обители? Трехвѣковой храмъ сей, много лѣтъ бывший безъ крова, подъ разрушительнымъ временемъ, въ какую нынѣ красоту и въ какое благолѣпіе облекся? Онъ святъ былъ, какъ жилище Божіе; теперь онъ весь обращенъ въ святилище (т. е. въ алтарь), и уже только освященные будутъ входить въ него.

Все сердце наше желало бы излиться въ словѣ, чтобы сотворить вамъ, слушатели, утѣшеніе исповѣданіемъ дивныхъ чудесъ Божіихъ, явленныхъ на семъ храмѣ и на сей обители. Но намъ ли здѣсь простирать слово, когда тотъ, котораго имя есть Слово Божіе, готовъ и хочетъ вѣщать въ васъ? Намъ ли беседовать здѣсь, гдѣ въ теченіе трехъ вѣковъ исходили огненные словеса изъ устъ людей Божіихъ, очищенныхъ и подвигами воздержанія, бдѣнія и молитвы, и благодатію Духа Святаго? Намъ ли говорить здѣсь, гдѣ Ангелы Божіи невидимо служили столько вѣковъ и служатъ Царю силъ, Который благоволилъ «заклатися и датися въ снѣдь вѣрнымъ?» Сами вы, святые Ангелы, прославьте Господа славы, какъ нѣкогда прославили Его при воплощеніи Сына Божія, за то что Онъ, послѣ многихъ лѣтъ запустѣнія, не предалъ сего храма разрушенію, но благоволилъ снова положить здѣсь очи и сердце и принять отъ насъ молитвы и моленія и безкровную жертву о спасеніи всѣхъ, на благословеніе, радость и утѣшеніе любящихъ обитель сію и сестръ ея.

Братіе! мы вѣруемъ, что святые Ангелы храма сего не оставляли его и тогда, какъ прекратилась въ немъ безкровная жертва, и что только они сохранили его для обновленія въ настоящемъ послѣдованіи.

Святые Ангелы! присно молимъ васъ мы, недостойные: не оставляйте никогда сего храма и приносите здѣсь къ пренебесному престолу Божію въ златыхъ кадилахъ вашихъ чистыхъ молитвъ молитвы живущихъ въ сей обители и Всѣхъ приходящихъ сюда для молитвы!

Невѣдомые святые угодники Божіи, здѣсь*) почивающіе! будьте непрестанными ходатаями предъ Господомъ Богомъ о живущихъ въ сей обители и благотворящихъ ей, утверждайте истинное иночество вашими молитвами.

Царица небесная! Тебѣ вручена сія обитель! Ты въ своемъ чудотворномъ образѣ явила знаменіе избавленія ея среди неоднократныхъ посѣщеній Божіихъ. Сохраняй ее до скончанія вѣка отъ видимыхъ и невидимыхъ враговъ.

*) Слѣдовало бы присовокупить: „и тамъ — въ прежней Анастасиной обители“.

Да будетъ, по слову Господа Вседержителя, «миръ Божій въ снабдѣніе всякому зиждущему, еже возставити церковь сію», т. е. на всякомъ, кто содѣйствовалъ возстановленію и украшенію храма и обители, особенно миръ и благословеніе да почіетъ на тебѣ, невѣстоводительница душъ, здѣсь посвятившихъ себя Іисусу Христу. Ты все время твое, всѣ помышленія и силы твои посвятила на возсозданіе обители сей. Самъ Господь, по молитвамъ Церкви своей, да воспрославитъ тебя**) и благотворителей обители Своею Божественною славою не здѣсь только, но и тамъ, и тогда, какъ небо и земля прейдутъ и увидимъ новое небо и новую жизнь, гдѣ не будетъ храма и храмъ будетъ Господь Богъ Вседержитель и Агнецъ,—въ томъ градѣ, гдѣ солнца и луны не будетъ, а будетъ освѣщать всѣхъ слава Его. Это самая истинная слава.

Да устроить Господь Богъ въ царствѣ славы всѣмъ вамъ славныя обители, какъ вы здѣсь послужили къ устроенію храма, — сего селенія славы Божіей на землѣ и обители иночествующихъ, которыя день и ночь славословятъ Господа въ молитвѣ о васъ и о всѣхъ, которыхъ вы имъ для молитвы поручили и за которыхъ онѣ должны молиться. Аминь.

Архимандритъ Іосифъ (Баженовъ).

1879 годъ

**) Это обращеніе къ игуменіи Маріи дѣлаетъ высокую честь не только ей, дѣйствительно „посвятившей себя всецѣло на возсозданіе обители“, но и самому архипастырю, который вполнѣ зналъ всю обширность и неустанность ея дѣятельности, предваряемой и сопровождаемой глубокимъ осмысливаніемъ и сердечнымъ сочувствіемъ и призналъ долгомъ справедливости воздать ей хвалу отъ лица Церкви (Сирах. 44, 14).

Архимандрит Иосиф, впоследствии Епископ Иосиф (Иван Гаврилович Баженов; 1827–1886 гг.). Уроженец слободы Степная Александровка Острогожского уезда Воронежской губернии, сын диакона. Выпускник Павловского Духовного Училища (1843 г.), Воронежской Духовной Семинарии (1849 г.) и Петербургской Духовной Академии (1853 г.). Помощник ректора Псковской Духовной Семинарии (1853 г.). В 1855 г. принял монашество с именем Иосиф. Преподаватель Петербургской Духовной Академии (1857 г.). Помощник ректора (1859 г.) и инспектор Петербургской Духовной Семинарии (1859 г.). Архимандрит (1860 г.). Ректор Костромской Духовной Семинарии (1862-1866 гг.). Ректор Вятской Духовной Семинарии (1866 г.). Ректор Калужской Духовной Семинарии (1870 г.). Член Петербургского комитета духовной цензуры (1873 г.). Настоятель Московского Заиконоспасского монастыря (1881 г.). Епископ Балтский, викарий Подольской Епархии (1866 г.).

Скончался 59-ти лет 23 января 1886 г. в Каменец-Подольске, похоронен на городском кладбище.